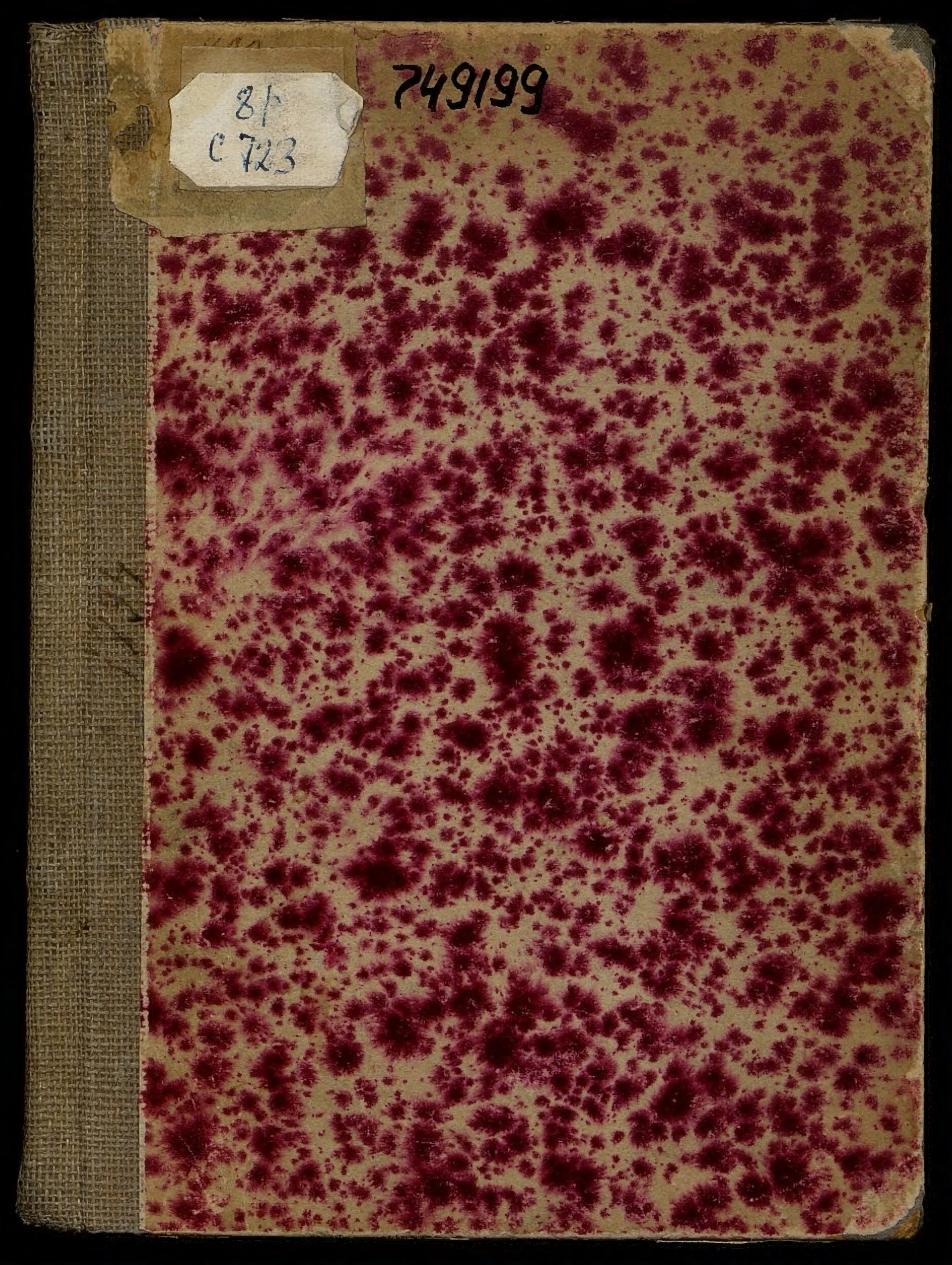
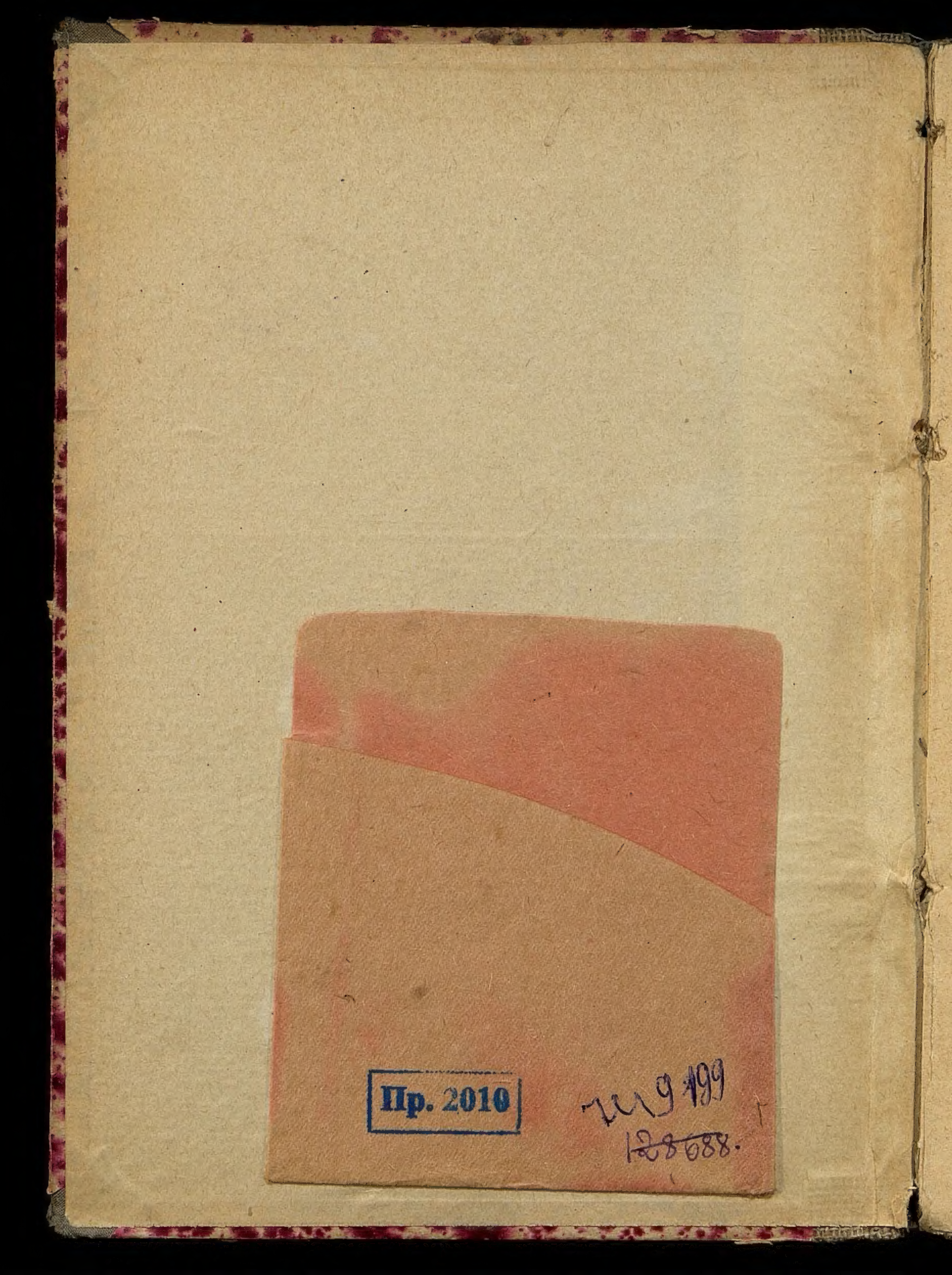
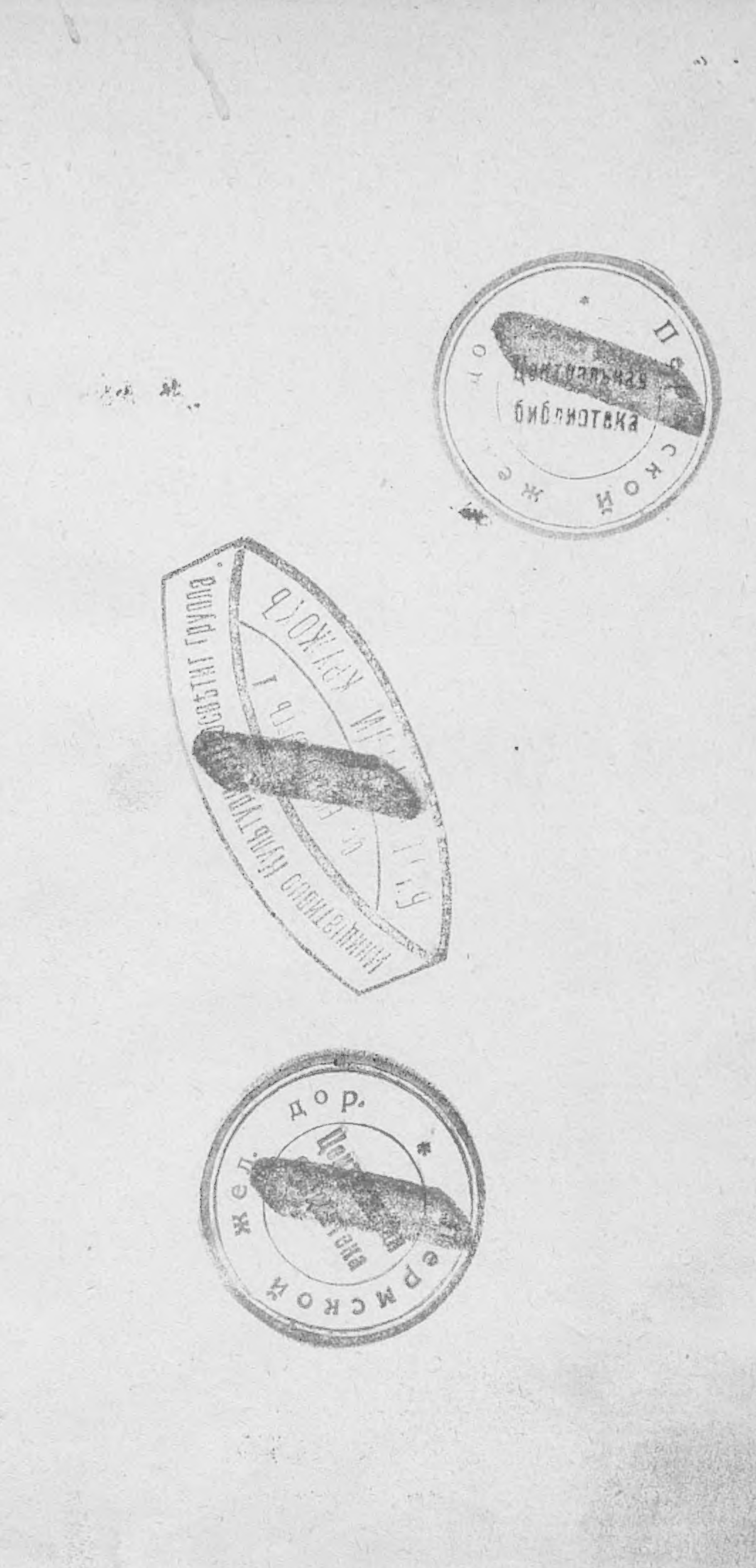

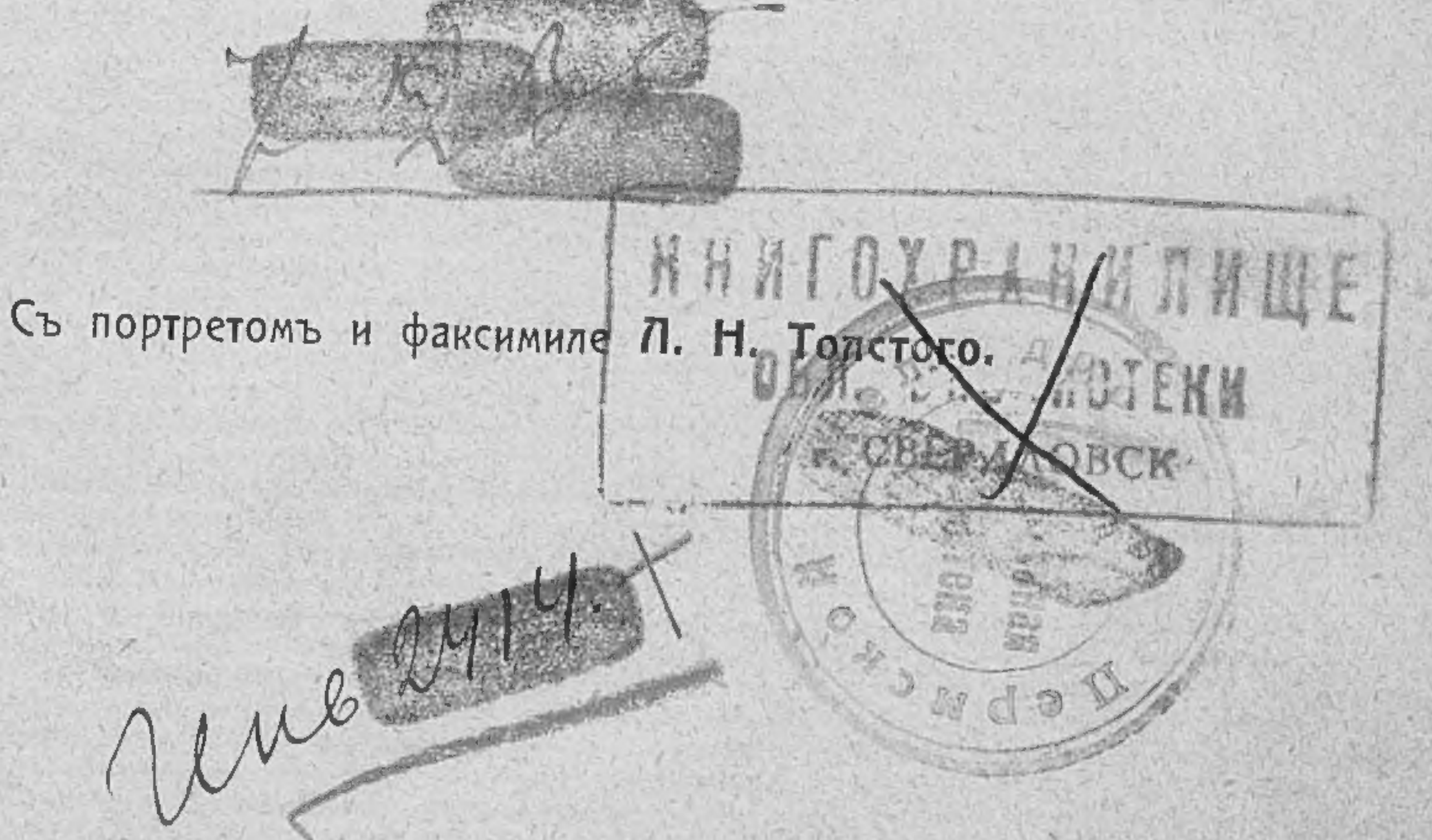
Пр. 2010
128088.

Центральная
библиотека
дор.

С. П. СПИРО.

Бесѣды съ Л. Н. Толстымъ

(1909 и 1910 гг.).

Съ портретомъ и факсимиле Л. Н. Толстого.

МОСКВА.
Городская Типографія, Тверская, Козицкій, 5.
1911.

Левъ Николаевичъ Толстой (1909 г.).

I.

ПЕРВАЯ ПОѢЗДКА ВЪ ЯСНУЮ ПОЛЯНУ.—Л. Н. ТОЛСТОЙ О СВОЕМЪ СВИДАНІИ СЪ ТУЛЬСКИМЪ ЕПИСКОПОМЪ ПАРѲЕНІЕМЪ.

Въ февралѣ 1909 года въ московскихъ газетахъ появилось извѣстіе о томъ, что побывалъ въ Ясной Полянѣ и посѣтилъ Льва Николаевича тульскій епископъ Парѳеній.

Что между ними происходила бесѣда о вѣрѣ.

Извѣстіе произвело понятную сенсацію.

У меня явилась дерзновенная мысль: а что если я поѣду въ Ясную Поляну къ самому Льву Николаевичу Толстому и буду его просить разсказать мнѣ подробности этой бесѣды для напечатанія ея съ его словъ? Вѣдь о немъ пишутъ столько фантастическихъ вещей, часто совершенно несогласныхъ съ истиной...

Онъ, думалъ я, вѣроятно, ничего не будетъ имѣть противъ того, чтобы я изложилъ такое крупное

событіе, какъ свиданіе и бесѣда его о вѣрѣ съ мѣстнымъ епископомъ, въ правильномъ освѣщеніи, со словъ его самого...

И я поѣхалъ.

Пропускаю описаніе своей поѣздки, впечатлѣній въ дорогѣ, вида яснополянской деревни, усадьбы, парка, черезъ который идетъ дорога къ дому, самого дома и т. д. — этихъ описаній и безъ меня было сдѣлано вполнѣ достаточно.

Не успѣлъ я еще раздѣться въ передней яснополянскаго дома, какъ спустился внизъ и любезно встрѣтилъ меня бывшій еще въ то время секретаремъ у Льва Николаевича Николай Николаевичъ Гусевъ.

Мы познакомились, и, узнавъ цѣль моего пріѣзда, онъ на первыхъ порахъ огорчилъ меня.

— Боюсь,—сказалъ онъ,—что вамъ не удастся видѣть сегодня Льва Николаевича, такъ какъ вчера онъ занемогъ и не встаетъ съ постели. Во всякомъ случаѣ, поднимемся. Я самъ еще не знаю, надо подождать.

Мы поднялись въ залъ. Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ живущій въ Ясной Полянѣ докторъ Льва Николаевича Душанъ Петровичъ Маковицкій.

Я обратился къ нему:

— Нельзя ли будетъ хоть на нѣсколько минутъ повидать Льва Николаевича?

Докторъ попросилъ подождать и ушелъ къ больному.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся и прервалъ нашу бесѣду съ Н. Н. Гусевымъ радостными для меня словами:

— Левъ Николаевичъ проситъ васъ къ себѣ.

Мы прошли нѣсколько комнатъ, и мнѣ указали на дверь въ спальню Льва Николаевича.

Съ трепетомъ открылъ я эту дверь и вошелъ.

Левъ Николаевичъ лежалъ на постели, слегка приподнявшись на локтѣ.

Не успѣлъ я войти, какъ онъ привѣтливо встрѣтилъ меня, ласково говоря:

— Здравствуйте, здравствуйте!..

Я представился.

— Возьмите себѣ стулъ, сказалъ Левъ Николаевичъ, и садитесь тутъ, около меня.

Преодолѣвъ волненіе, я сѣлъ и началъ объяснять причину своего посѣщенія.

— Ваша бесѣда съ архіереемъ,—сказалъ я,—вызоветъ, по всей вѣроятности, массу сообщеній и подробностей, весьма возможно, и не точныхъ. Хотѣлось бы, поэтому, дать сразу точный матеріалъ читателямъ и, если возможно, передать ваши личныя впечатлѣнія. Это предотвратило бы появленіе нежелательныхъ и невѣрныхъ свѣдѣній...

— Да, это вѣрно, — сказалъ Ленъ Николаевичъ,—вы правы, и я готовъ разсказать... А что было напечатано въ газетахъ?

Я прочелъ Льву Николаевичу краткую газетную вырѣзку.

— Это такъ,—сказалъ Левъ Николаевичъ и разсказалъ о посѣщеніи его архіереемъ.

— Въ Тулѣ живетъ генералъ Кунъ, которому тульскій архіерей Парѳеній говорилъ, что ему хотѣлось бы пріѣхать ко мнѣ и поговорить со мною. Кунъ сказалъ объ этомъ Черткову, а Чертковъ передалъ мнѣ. При чемъ архіерей, будто бы, говорилъ, что онъ не знаетъ только, захочу ли я его принять, и боится, что если приму, то «заговорю»... За эти слова, впрочемъ, я не ручаюсь, такъ какъ слышалъ ихъ изъ третьихъ устъ...

— Въ одну изъ своихъ обычныхъ прогулокъ,— продолжалъ Левъ Николаевичъ,—я пошелъ въ школу и сказалъ учительницѣ, что если пріѣдетъ архіерей и захочетъ изъ школы притти ко мнѣ,—я буду радъ его видѣть.

Въ день посѣщенія имъ школы я въ обычное свое время, въ 5 часовъ, передъ обѣдомъ, легъ спать и проспалъ дольше обыкновеннаго.

Наконецъ, меня разбудила жена и сказала, что архіерей около часу уже здѣсь—онъ пріѣхалъ, оказалось, вскорѣ послѣ того, какъ я заснулъ.

Съ нимъ было два священника—приходскій и уѣздный, смотритель школъ.

Я вышелъ, и съ удовольствіемъ нашелъ, что первая встрѣча обошлась безъ неловкости: не благословляя, архіерей всталъ и подалъ мнѣ руку.

Такъ же онъ поступилъ и со всѣми домашними.

Послѣ общихъ незначительныхъ разговоровъ я пригласилъ его къ себѣ и сказалъ ему, что я получаю много писемъ и посѣщеній отъ духовныхъ лицъ, и что я всегда бываю тронутъ добрыми пожеланіями, которыя они высказываютъ, и также

его посѣщеніемъ, но очень всегда сожалѣю, что для меня невозможно, какъ взлетѣть на воздухъ,— исполнить ихъ желанія.

Потомъ я сказалъ ему: одно мнѣ непріятно, что всѣ эти лица упрекаютъ меня въ томъ, что я разрушаю вѣрованіе людей.

Тутъ большое недоразумѣніе, такъ какъ вся моя дѣятельность въ этомъ отношеніи направлена только на избавленіе людей отъ неестественнаго и губительнаго состоянія отсутствія всякой, какой бы то ни было, вѣры.

Между прочимъ, я, въ доказательство этого, прочелъ ему изъ составленнаго мною «Круга чтенія», 20-го января, тотъ день, въ который случайно состоялось наше свиданіе. Въ этомъ днѣ были прекрасныя мѣста изъ Чаннинга, Эмерсона, Торо и особенно Канта.

На слѣдующій день послѣ моего посѣщенія Ясной Поляны Левъ Николаевичъ прислалъ мнѣ въ Москву листки изъ «Круга чтенія»—«день 20-го января» и собственноручную записку, въ которой написалъ, что мысли эти составляютъ «прекрасное дополненіе и разъясненіе» его разговора съ епископомъ Пароеніемъ.

Вотъ эти мысли:

Христіанство устанавливаетъ непосредственное общеніе человѣка съ Богомъ.

1.

Вы спрашиваете, въ чемъ главная сущность ха-

рактера Христа, Спасителя міра. Я отвѣчаю, что это Его увѣренность въ величіи человѣческой души. Онъ видѣлъ въ человѣкѣ отраженіе и образъ божества и потому жаждалъ его искупленія и любилъ человѣка, кто бы онъ ни былъ, какія бы ни были условія его жизни и характера. Іисусъ смотрѣлъ на людей взоромъ, пронизывающимъ матеріальную оболочку,—тѣло исчезало передъ нимъ. Онъ смотрѣлъ сквозь наряды богатаго и лохмотья нищаго въ душу человѣка; и тамъ, среди мрака невѣжества и пятенъ грѣха, Онъ находилъ духовную безсмертную природу и зачатки силы и совершенства, которыя могутъ развиваться безконечно. Въ самомъ низко падшемъ, развращенномъ человѣкѣ Онъ видѣлъ существо, которое могло бы превратиться въ ангела свѣта.

Чаннингъ.

2.

Для народовъ, какъ и для личностей, освобожденіе отъ предразсудковъ не уменьшаетъ нравственныхъ преградъ, но только замѣняетъ грубыя препятствія болѣе тонкими. Многія бѣдныя души теряютъ при этомъ свою поддержку. Но въ этомъ нѣтъ ничего дурного или опаснаго. Это только ростъ. Ребенокъ долженъ выучиться ходить одинъ. Сначала человѣкъ, лишившійся привычнаго суевѣрія, чувствуетъ себя потеряннымъ, бездомнымъ... Но это отнятіе отъ него внѣшнихъ поддержекъ загоняетъ его внутрь себя, и онъ чувствуетъ себя

окрѣпшимъ. Онъ чувствуетъ себя лицомъ къ лицу съ величественнымъ присутствіемъ Бога. Онъ читаетъ не по книгѣ, а въ душѣ самый оригиналъ 10-ти заповѣдей Евангелія и Посланій. И его маленькая часовня расширяется до величественнаго собора небеснаго свода.

Эмерсонъ.

3.

Познаніе Бога можетъ быть или умозрительнымъ, и такое познаніе ненадежно и подвержено опаснымъ ошибкамъ, или нравственнымъ, вытекающимъ изъ вѣры, и такое познаніе не мыслитъ никакихъ другихъ качествъ Бога, кромѣ тѣхъ, которыя обусловливаютъ нравственность. Такая вѣра естественна и сверхъестественна.

Кантъ.

4.

Ищите не только нравственной жизни, но стремитесь къ тому, что выше нравственности.

Торо.

Бойтесь всего, что становится между вами и Богомъ-Духомъ, образъ, подобіе котораго живетъ въ вашей душѣ.

Левъ Николаевичъ продолжалъ свой разсказъ:

— Я видѣлъ, что это чтеніе произвело на него хорошее впечатлѣніе, что̀ мнѣ было очень пріятно.

Но, несмотря на то, онъ все-таки высказалъ

мнѣ упрекъ въ томъ, что моя дѣятельность разрушаетъ вѣру людей.

Тогда я разсказалъ ему давнишній случай, очень ничтожный по внѣшности и очень важный по внутреннему для меня смыслу.

Я поздно ночью зимой пошелъ пройтись, и идя по деревнѣ, гдѣ всѣ огни уже были потушены, проходя мимо одного дома, въ которомъ свѣтился огонь, заглянулъ въ окно и увидалъ стоящую на колѣняхъ и молящуюся старуху Матрену, знакомую мнѣ съ ея молодости, одну изъ самыхъ порочныхъ, развратныхъ бабъ деревни. Меня поразилъ этотъ внѣшній видъ ея молитвеннаго состоянія.

Я посмотрѣлъ, пошелъ дальше, но, вернувшись назадъ, заглянулъ въ окно и засталъ Матрену въ томъ же положеніи. Она молилась и клала земные поклоны и поднимала лицо къ иконамъ.

Вотъ это—молитва! Дай Богъ намъ всѣмъ молиться такъ же, т.-е. сознавать такъ же свою зависимость отъ Бога,—и нарушить ту вѣру, которая вызываетъ такую молитву, я бы счелъ величайшимъ преступленіемъ... Да это и невозможно! Никакіе мудрецы не могли бы сдѣлать этого.

Но не то съ людьми нашего образованнаго сословія—у нихъ или нѣтъ никакой вѣры, или, что еще хуже,—притворство вѣры, вѣры, которая играетъ роль только извѣстнаго приличія.

И потому я считалъ и считаю необходимымъ указывать всѣмъ, у которыхъ нѣтъ вѣры, что чело-

вѣку безъ этого жить нельзя, а тѣхъ у которыхъ вѣра ложная, внѣшняя,—освобождать отъ того, что скрываетъ для нихъ необходимость истинной вѣры.

Архіерей ничего не возразилъ на это, но повторилъ то, что нехорошо разрушать вѣру.

Послѣ этого онъ любезно далъ мнѣ свѣдѣнія, какія мнѣ нужно было, о монастырской жизни, и разговоръ нашъ кончился дружелюбнымъ рукопожатіемъ.

Вообще, архіерей произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе умнаго и добраго человѣка.

Послѣ обѣда онъ говорилъ одинъ на одинъ съ женой.

Слушая Льва Николаевича, я старался по возможности дословно записать его разсказъ. Когда онъ кончилъ, онъ попросилъ меня прочесть, что я записалъ. Левъ Николаевичъ внимательно меня прослушалъ, остался доволенъ и сказалъ вычеркнуть лишь двѣ—три сказанныя имъ фразы, находя ихъ неподходящими.

Въ дальнѣйшей бесѣдѣ Левъ Николаевичъ откровенно высказалъ мнѣ еще нѣкоторыя, представляющія безусловно громадный интересъ, впечатлѣнія свои о визитѣ епископа, однако пожелалъ, чтобы въ виду интимности, въ печать эта часть бесѣды не попала. Желаніе Льва Николаевича—конечно, законъ.

Замѣтивъ, что Левъ Николаевичъ нѣсколько утомленъ, я поднялся и, пожелавъ отъ души ему скорѣйшаго выздоровленія, очарованный его милымъ пріемомъ, вышелъ.

Въ залѣ встрѣтилъ меня снова Н. Н. Гусевъ и рѣшительно заявилъ, что безъ чашки кофе меня не отпуститъ.

За столомъ я спросилъ у него,—надъ чѣмъ теперь работаетъ Левъ Николаевичъ.

— Сейчасъ у него время переходное, старыя работы Левъ Николаевичъ закончилъ и готовитъ новыя. Вотъ, недавно у васъ сообщалось, что онъ написалъ «Письмо къ индусу». Вызвано оно было вотъ чѣмъ. Въ Америкѣ издается журналъ «Свободный Индостанъ» («Free Hindusthan»), девизъ котораго—насильственная борьба съ англійскимъ владычествомъ. Непротивленіе злу,—говорятъ они,—вредитъ не только эгоизму, но и альтруизму. Редакторъ этого журнала написалъ Льву Николаевичу письмо, на которое онъ и отвѣчалъ.

Въ этомъ письмѣ Левъ Николаевичъ высказываетъ мысль, что истинный прогрессъ совершается не насиліемъ, а развитіемъ нравственнаго сознанія, и что всякое порабощеніе основывается на томъ, что порабощенные сами помогаютъ своимъ поработителямъ тѣмъ, что принимаютъ участіе въ насиліи, которое совершается надъ ними и ихъ братьями.

Я распростился съ Н. Н. Гусевымъ и уѣхалъ изъ этого славнаго дома, сохраняя самыя теплыя чувства и самыя трогательныя воспоминанія о первой встрѣчѣ съ великимъ обитателемъ его.

II.

ТОЛСТОЙ О ГОГОЛѢ.

Во время «гоголевскихъ дней» я отправился въ Ясную Поляну побесѣдовать съ Л. Н. Толстымъ о Гоголѣ.

Результатъ поѣздки превзошелъ всѣ мои надежды.

Левъ Николаевичъ далъ мнѣ о Гоголѣ свою статью.

— Одна моя пріятельница,—сказалъ Левъ Николаевичъ,—недавно говорила со мной о «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ», и послѣ этого я сталъ перечитывать ихъ. Когда я перечитываю Гоголя, то всегда перечитываю его «Переписку съ друзьями», далеко не оцѣненную Бѣлинскимъ и содержащую чрезвычайно много драгоцѣннаго рядомъ съ очень дурнымъ и возмутительнымъ для того времени.

— Впрочемъ, — добавляетъ Левъ Николаевичъ,—я кое-что записалъ о Гоголѣ.

Левъ Николаевичъ проситъ своего секретаря Н. Н. Гусева дать ему эти, какъ онъ называетъ, «листки изъ дневника».

Я прошу у Льва Николаевича разрѣшенія опу-

бликовать эти «листки»,—напечатать у насъ, въ «Русскомъ Словѣ».

Левъ Николаевичъ даетъ свое согласіе.

Я перечитываю ихъ вслухъ, а Левъ Николаевичъ дѣлаетъ нѣкоторыя поправки.

Затѣмъ отдаетъ мнѣ.

Привожу ихъ текстъ.

Статья Л. Н. Толстого.

«Гоголь—огромный талантъ, прекрасное сердце и небольшой, несмѣлый, робкій умъ.

Отдается онъ своему таланту,—и выходятъ прекрасныя литературныя произведенія, какъ «Старосвѣтскіе помѣщики», первая часть «Мертвыхъ душъ», «Ревизоръ» и въ особенности—верхъ совершенства въ своемъ родѣ—«Коляска». Отдается своему сердцу и религіозному чувству,—и выходятъ въ его письмахъ,—какъ въ письмѣ «О значеніи болѣзней», «О томъ, что такое слово» и во многихъ и многихъ другихъ,—трогательныя, часто глубокія и поучительныя мысли. Но какъ только хочетъ онъ писать художественныя произведенія на религіозно-нравственныя темы или придать уже написаннымъ произведеніямъ несвойственный имъ нравственно-религіозный поучительный смыслъ,—и выходитъ ужасная, отвратительная чепуха, какъ это проявляется во второй части «Мертвыхъ душъ», въ заключительной сценѣ къ «Ревизору» и преимущественно въ письмахъ.

Происходитъ это отъ того, что, съ одной стороны, Гоголь приписываетъ искусству несвойственное ему высокое значенie, а съ другой—еще менѣе свойственное религiи низкое значенie церковной вѣры и хочетъ объяснить это воображаемое высокое значенie своихъ произведенiй этой церковной вѣрой. Если бы Гоголь, съ одной стороны, просто любилъ писать повѣсти и комедiи и занимался этимъ, не придавая этимъ занятiямъ особеннаго гегельянскаго, священнослужительскаго значенiя, и, съ другой стороны, просто признавалъ бы церковное ученie и государственное устройство, какъ нѣчто такое, съ чѣмъ ему не зачѣмъ спорить и чего нѣтъ основанiя оправдывать, то онъ продолжалъ бы писать свои очень хорошiе разсказы и комедiи и при случаѣ высказывалъ бы въ письмахъ, а, можетъ-быть, и въ отдѣльныхъ сочиненiяхъ свои часто очень глубокiя, изъ сердца выходящiя нравственно-религiозныя мысли. Но, къ сожалѣнiю, въ то время, какъ Гоголь вступилъ въ литературный мiръ, въ особенности послѣ смерти не только огромнаго таланта, но и бодраго, яснаго, не запутаннаго Пушкина, царствовало по отношенiю къ искусству—не могу иначе сказать—до невѣроятности глупое ученie Гегеля, по которому выходило то, что строить дома, пѣть пѣсни, рисовать картины и писать повѣсти, комедiи и стихи представляетъ изъ себя нѣкое священнодѣйствiе, «служенiе красотѣ», стоящее только на одну ступень ниже религiи,—служенiе, продолжающее имѣть зна-

ченіе даже и послѣ того, когда религія уже признана чѣмъ-то отжившимъ и ненужнымъ.

Одновременно съ этимъ ученіемъ было распространено въ то время и другое, не менѣе нелѣпое и не менѣе запутанное и напыщенное—ученіе славянофильства объ особенномъ значеніи русскаго, т.-е. того, къ которому принадлежали разсуждающіе, народа и вмѣстѣ съ тѣмъ объ особенномъ, исключительномъ значеніи православія.

Гоголь хотя и мало сознательно усвоилъ себѣ оба ученія. Ученіе объ особенномъ значеніи искусства онъ, естественно, усвоилъ, потому что оно приписывало великую важность его дѣятельности; другое же, славянофильское, ученіе тоже не могло не привлечь его, такъ какъ, оправдывая все существующее, успокаивало и льстило самолюбію.

И Гоголь усвоилъ оба ученія и постарался соединить ихъ въ примѣненіи къ своему писательству. Изъ этой попытки и вышли тѣ удивительныя нелѣпости, которыя такъ поражаютъ въ его письмахъ послѣдняго времени».

Левъ Толстой.

Перечитывая письма Гоголя, Левъ Николаевичъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ ставилъ свои помѣтки...

Въ зависимости отъ того, согласенъ или нѣтъ съ выражаемой Гоголемъ мыслью, онъ «ставилъ баллъ».

Оцѣнка «пятибалльная».

Привожу ее въ томъ видѣ, въ какомъ она была передана мнѣ Н. Н. Гусевымъ.

Помѣтки Льва Николаевича при перечитываніи «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями».

(Мартъ, 1909).

Завѣщаніе. Отмѣчено NB: «Завѣщаю не ставить надо мною никакого памятника и не помышлять о такомъ пустякѣ, христіанина недостойномъ».

Женщина въ свѣтѣ—5.

Значеніе болѣзней—5+.

О томъ, что такое слово—5+++.

О помощи бѣднымъ—2.

Объ Одиссеѣ—1.

Нѣсколько словъ о нашей церкви и духовенствѣ—0.

О томъ же—0.

О лиризмѣ нашихъ поэтовъ—1.

Отмѣчено NB: «...у меня напыщенно, темно и невразумительно».

Споры—4.

Христіанинъ идетъ впередъ—5.

Карамзинъ—1.

О театрѣ—5.

Предметы для лирическ. поэта—5.

Совѣты—5+.

Просвѣщеніе—0+.

Четыре письма къ разнымъ лицамъ по поводу «Мертвыхъ душъ».

Нужно любить Россію—1.

Поставлено 5: «Одинъ Христосъ... любовь къ братьямъ».

Нужно проъздиться по Россіи—1.

Что такое губернаторша—0+.

Русскій помъщикъ—0.

Историческій живописецъ Ивановъ—1.

Чъмъ можетъ быть жена для мужа—1.

Страхи и ужасы Россіи—4.

Близорукому пріятелю—5.

Занимающему важное мъсто—1.

Чей удълъ на землъ выше—5 за начало, до словъ: «послѣдній нищій».

Напутствіе—1.

Въ чемъ существо русской поэзіи—2.

Свътлое Воскресенье—1.

Письмо къ Россети—3.

О Современникъ—2.

Авторская исповъдь—1.

Разговоръ нашъ коснулся еще предстоящихъ «гоголевскихъ дней».

— Каково ваше мнѣніе, Левъ Николаевичъ, о чествованіи Гоголя?

— Я не могу никакъ сочувствовать этому чествованію, такъ же какъ и не могъ сочувствовать своему, такъ какъ не могу приписывать вообще искусству того значенія, которое принято въ нашемъ такъ называемомъ высшемъ, но въ дѣйствительности низшемъ, по нравственному складу, обществѣ. И потому, по моему мнѣнію, если бы какимъ-нибудь чудомъ провалилось, уничтожилось все, что называется искусствомъ и художествомъ,

то человѣчество ничего не потеряло бы. Если бы оно и лишилось кое-какихъ хорошихъ произведенiй, то зато избавилось бы отъ той ужасной, зловредной дребедени, которая теперь неудержимо разростается и заливаетъ его.

Сказавъ это и добродушно улыбнувшись, Левъ Николаевичъ прибавилъ:

— Ну, кажется, хорошiй поводъ, чтобы меня ругали...

Въ этотъ мой прiѣздъ Левъ Николаевичъ принялъ меня въ своемъ кабинетѣ. Онъ былъ въ теплой суконной рубашкѣ-блузѣ, въ сапогахъ. Выглядѣлъ совершенно бодрымъ. Когда вставалъ—ходилъ, слегка опираясь на палку.

— Какъ ваше здоровье, Левъ Николаевичъ?— спросилъ я послѣ первыхъ привѣтствiй.

— Чувствую себя хорошо. Вѣдь въ прошлый разъ, когда вы были, я лежалъ. Теперь поправился. Да какой, впрочемъ, разговоръ о здоровьѣ въ восемьдесятъ лѣтъ... Надо ждать желаннаго конца.

По окончанiи бесѣды о Гоголѣ, я спросилъ о работахъ Льва Николаевича.

— На верстакѣ у меня много работъ,—сказалъ Левъ Николаевичъ,—но я такъ слабъ, что кидаюсь отъ одной къ другой.

III.

Л. Н. ТОЛСТОЙ О СБОРНИКѢ „ВѢХИ".

А. А. Стаховичъ, бывавшій въ Ясной Полянѣ, привезъ однажды извѣстіе, что Левъ Николаевичъ сильно заинтересовался нашумѣвшимъ сборникомъ «Вѣхи» и даже пишетъ по поводу этого сборника статью.

По этому поводу я поѣхалъ въ Ясную Поляну.

Левъ Николаевичъ въ бесѣдѣ со мной подробно изложилъ свою точку зрѣнія на вопросы, затронутые «Вѣхами».

— Я рѣшилъ не печатать моей статьи,—заявилъ Левъ Николаевичъ,—такъ какъ не желаю вызвать, боюсь этого, недоброе чувство въ людяхъ. А, между тѣмъ, очень радъ высказать мысли, навѣянныя этой книжкой, почему и бесѣдую съ вами.

На-дняхъ я прочелъ въ газетѣ о собраніи писателей, въ которомъ при обсужденіи взглядовъ, какъ тамъ говорилось, старой и новой «интеллигенціи» выяснилось то, что новая интеллигенція признаетъ для улучшенія жизни людей не измѣненіе внѣшней формы жизни, какъ это признаетъ

старая интеллигенція, а внутреннюю, нравственную работу людей надъ самими собой.

Такъ какъ я давно уже и твердо убѣжденъ въ томъ, что одно изъ главныхъ препятствій движенія впередъ къ разумной жизни и благу заключается именно въ распространенномъ и утвердившемся суевѣріи о томъ, что внѣшнія измѣненія формы общественной жизни могутъ улучшить жизнь людей, то я обрадовался, прочтя это извѣстіе, и поспѣшилъ достать литературный сборникъ «Вѣхи», въ которомъ, какъ говорилось въ статьѣ, были выражены эти взгляды молодой интеллигенціи.

Въ предисловіи была выражена та же въ высшей степени сочувственная мнѣ мысль о суевѣріи внѣшняго переустройства и необходимости внутренней работы каждаго надъ самимъ собой. И я взялся за чтеніе статей этого сборника.

Я ждалъ отвѣта на естественно вытекающій вопросъ о томъ, въ чемъ должна состоять та внутренняя работа, которая должна замѣнить внѣшнюю, но этого-то я и не нашелъ.

— И если есть что-нибудь подобное такому отвѣту, то были отвѣты, выраженные въ особенно неясныхъ, запутанныхъ, неопредѣленныхъ и поразительно искусственныхъ словахъ.

Левъ Николаевичъ взялъ въ руки выписку изъ «Вѣхъ» и, улыбаясь, прочелъ мнѣ ее.

— Говорилось напримѣръ:

«О піэтетѣ передъ мартирологомъ интеллигенціи», о томъ, какъ «героически максимализмъ про-

эцируется во внѣ», какъ «психологія интеллигентнаго героизма импонируетъ какой-то группѣ», какъ «религіозный радикализмъ апеллируетъ къ внутреннему существу человѣка, а безрелигіозный матеріализмъ отметаетъ проблему воспитанія»; говорилось объ «искусственно изолирующемъ процессѣ абстракціи», объ «адекватномъ интеллектуальномъ отображеніи міра», о томъ, что «революціонизмъ есть лишь отраженіе», о «метафизической абсолютизаціи цѣнности разрушенія» и т. п.

Левъ Николаевичъ продолжалъ:

— Кромѣ же того, и самые отвѣты различныхъ авторовъ сборника были различны и несогласны между собой. Такъ что я разочаровался, не найдя того, чего искалъ.

И, читая все это, мнѣ невольно вспоминается старый умершій другъ мой, тверской крестьянинъ Сютаевъ, въ преклонныхъ годахъ пришедшій къ своему ясному, твердому и несогласному съ церковнымъ пониманію христіанства.

Онъ ставилъ себѣ тотъ самый вопросъ, который поставили авторы сборника «Вѣхи».

На вопросъ этотъ онъ отвѣчалъ своимъ тверскимъ говоромъ пятью короткими словами: «Все въ табѣ», говорилъ онъ, «въ любвѣ».

По странной случайности, кромѣ этого, вызваннаго во мнѣ сборникомъ, вспоминанія о Сютаевѣ, въ тотъ же день, въ который читалъ сборникъ, я получилъ изъ Ташкента одно изъ значительныхъ, получаемыхъ мною отъ крестьянъ, пи-

семъ,—письмо отъ крестьянина, обсуждающее тѣ самые вопросы, которые обсуждаются въ сборникѣ, и такъ же опредѣленно, какъ и слова Сютаева, но болѣе подробно отвѣчающее на нихъ.

Вотъ одна страница изъ этого, удивительно безграмотно написаннаго письма.

При этомъ Левъ Николаевичъ передалъ мнѣ изложенное имъ содержаніе письма:

«Основа жизни человѣческой—любовь, пишетъ крестьянинъ,—и любить человѣкъ долженъ всѣхъ безъ исключенія.

Любовь можетъ соединить съ кѣмъ угодно, даже съ животными,—вотъ эта любовь и есть Богъ.

Безъ любви ничто не можетъ спасти человѣка, и потому не нужно молиться въ пустое пространство и стѣну,—нужно умолять каждому только самого себя о томъ, чтобы быть не извергомъ, а человѣкомъ.

И стараться надо каждому человѣку самому о хорошей жизни, а не нанимать судей и усмирителей.

Каждый самъ себѣ будь судьей и усмирителемъ.

Если будешь смиренъ, кротокъ и любовенъ, то соединишься съ кѣмъ угодно.

Испытай каждый такъ дѣлать, и увидишь иной міръ и другой свѣтъ и достигнешь великаго блага, такъ что прежняя жизнь покажется дикимъ звѣрствомъ.

Не надо спрашивать у другихъ, а самимъ надо разбирать, что хорошо и что дурно.

Надо не дѣлать другимъ, чего себѣ не хочешь.

Какъ въ гостяхъ люди сидятъ за однимъ столомъ и все одно и то же ѣдятъ и всѣ сыты бываютъ, такъ и на свѣтѣ жить надо, всѣ одной землей, однимъ свѣтомъ пользуемся, и потому всѣ должны трудиться, и кормиться, потому что все ничье, и мы всѣ въ этомъ мірѣ—временные гости.

Ничего не надо ограничивать, надо только свою гордость ограничить и замѣнить ее любовью. А любовь уничтожитъ всякую злобу.

А мы теперь всѣ только жалуемся другъ на друга и осуждаемъ, а сами, можетъ-быть, хуже тѣхъ, кого осуждаемъ.

И всѣ теперь, какъ низшіе, такъ и высшіе, ненавидятъ, такъ что даже готовы убивать другъ друга.

Низшіе думаютъ этимъ убійствомъ обогатить себя, а высшіе усмирить народъ.

И это—заблужденіе.

Обогатиться можно только справедливостью, а устроить людей можно только любовнымъ увѣщаніемъ, поддержкой, не убійствомъ.

Кромѣ того, люди такъ заблудились, что думаютъ, что другіе народы—нѣмцы, французы, китайцы—враги имъ и что можно воевать съ ними.

Надо людямъ подняться на духовную жизнь и забыть о тѣлѣ, и понять то, что духъ во всѣхъ одинъ.

Поняли бы это люди,—всѣ бы любили другъ друга, не было бы межъ нами зла, и исполнились

бы слова Іисуса, что царство Божіе на землѣ, внутри насъ, внутри людей».

— Такъ,—сказалъ Левъ Николаевичъ,—думаетъ и пишетъ безграмотный крестьянинъ, ничего не зная ни о «политическомъ импрессіонизмѣ», ни объ «инсценированной провокаціи» и т. п., ни даже о русской орѳографіи!

IV.

Л. Н. ТОЛСТОЙ О КОНГРЕССѢ МИРА.

Содержаніе статьи Л. Н.—Письмо къ крестьянину о наукѣ.—Сестра Л. Н.—Бесѣда съ Н. Н. Гусевымъ.

30 іюля 1909 года я пріѣхалъ въ Ясную Поляну, чтобы узнать, вѣрны ли сенсаціонныя сообщенія о томъ, что Левъ Николаевичъ собирается ѣхать въ Стокгольмъ на предстоящій тамъ въ августѣ конгрессъ мира.

При входѣ въ яснополянскій домъ я встрѣтилъ самого Льва Николаевича, который собирался итти на свою обычную утреннюю прогулку.

Левъ Николаевичъ выглядѣлъ очень бодрымъ.

По приглашенію Льва Николаевича, я пошелъ съ нимъ вмѣстѣ по аллеямъ яснополянскаго сада.

— Правда ли, Левъ Николаевичъ, — спросилъ я,—что вы пишете докладъ на предстоящій въ Стокгольмѣ международный конгрессъ мира и даже собираетесь туда поѣхать?

— Это вѣрно,—сказалъ Левъ Николаевичъ.—Я получилъ отъ нихъ приглашеніе пріѣхать и избранъ ими почетнымъ членомъ съѣзда. Докладъ я пишу сейчасъ и еще его не закончилъ.

— И думаете ѣхать туда?

— Да, я рѣшилъ ѣхать. Сначала я хотѣлъ написать имъ, что пріѣхать не смогу, но потомъ пришелъ къ тому убѣжденію, что поѣхать мнѣ нужно. Если прочтутъ мой докладъ безъ меня въ комитетѣ, то онъ принятъ не будетъ,—онъ слишкомъ рѣзко написанъ. Но если бы я присутствовалъ, я бы могъ добиться того, чтобы его приняли.

Однако,—добавилъ Левъ Николаевичъ,—рѣшенію моему ѣхать въ Стокгольмъ, быть можетъ, не придется осуществиться, такъ какъ нѣкоторыя частныя дѣла и занятія могутъ меня задержать.

Во всякомъ случаѣ, пока я жду еще отвѣта на посланное мною въ Стокгольмъ письмо.

Вотъ письмо, посланное Львомъ Николаевичемъ въ Стокгольмъ:

«Господину президенту 18-го конгресса мира въ Стокгольмѣ.

Г. президентъ!

Вопросъ, обсуждаемый конгрессомъ,—вопросъ величайшей важности и занимаетъ меня уже много лѣтъ.

Я постараюсь воспользоваться сдѣланной вами мнѣ честью избранія, изложивъ то, что я имѣю сказать передъ такой исключительной аудиторіей, какъ та, которая соберется на конгрессѣ. Если я буду въ силахъ, я сдѣлаю все возможное, чтобы пріѣхать въ Стокгольмъ къ назначенному времени; если же нѣтъ, я пришлю вамъ то, что имѣю ска-

зать, въ надеждѣ, что члены конгресса пожелаютъ ознакомиться съ моими мнѣніями.

12/25 іюля 1909 г. *Левъ Толстой*».

Въ докладѣ, который Левъ Николаевичъ предполагалъ прочесть на конгрессѣ, онъ высказываетъ мысль, которую уже много разъ и съ разныхъ сторонъ развивалъ въ своихъ сочиненіяхъ.

— Докладъ этотъ, — сказалъ мнѣ Левъ Николаевичъ,—еще не вполнѣ готовъ. Отвѣтъ на посланное мною письмо я еще не получилъ, и пошлю докладъ только послѣ того, какъ получу отвѣтъ изъ Стокгольма...

— Да, въ Швеціи теперь забастовка,—вспоминаетъ Левъ Николаевичъ,—а конгрессъ назначенъ на 14-е августа по нашему стилю... Вѣроятно, онъ будетъ отложенъ...

Мы прошли нѣсколько аллей яснополянскаго парка. Левъ Николаевичъ шелъ быстрой, торопливой походкой.

Когда наша бесѣда прервалась, я, боясь стѣснить Льва Николаевича, сказалъ ему:

— Вы привыкли, Левъ Николаевичъ, гулять по утрамъ въ одиночествѣ, я боюсь, что утомляю васъ бесѣдой и лучше подожду вашего возвращенія.

— Хорошо, сказалъ Левъ Николаевичъ, пойдите въ домъ къ Николаю Николаевичу (Гусеву) и поговорите пока съ нимъ.

Мы разстались и я направился къ дому.

Н. Н. Гусевъ встрѣтилъ меня и повелъ въ столовую.

Какъ и въ предыдущіе мои пріѣзды, Н. Н., по обыкновенію, сталъ разсказывать мнѣ по моей просьбѣ всѣ послѣднія новости о жизни и о работахъ Льва Николаевича.

Между прочимъ, онъ сообщилъ мнѣ о томъ, что Левъ Николаевичъ только что закончилъ статью подъ заглавіемъ: «Письмо къ крестьянину о наукѣ».

Статья эта была вызвана письмомъ одного крестьянина Симбирской губерніи, спрашивавшаго, на основаніи личнаго опыта, не вредны ли наука и образованіе для рабочаго народа тѣмъ, что люди изъ рабочаго народа, получившіе такъ называемое «образованіе»,—хотя бы въ самомъ элементарномъ его видѣ,—относятся съ пренебреженіемъ къ мужицкой жизни и мужицкому труду и съ презрѣніемъ смотрятъ на своихъ «необразованныхъ» односельчанъ.

Левъ Николаевичъ отвѣтилъ крестьянину письмомъ, разросшимся въ длинную статью. Въ немъ Л. Н. опредѣленно, съ разныхъ сторонъ, высказалъ свой взглядъ на современную науку и образованіе.

Основная мысль этой статьи та, что современная наука выросла на порабощеніе народа и сама способствуетъ этому порабощенію. Она развилась въ средѣ властвующихъ, обезпеченныхъ классовъ и имѣетъ цѣлью или удовлетвореніе праздной любознательности людей этихъ классовъ, или улучшеніе матеріальныхъ условій ихъ жизни, или оправданіе ихъ незаконнаго, исключительнаго положе-

нія, но не имѣла и не имѣетъ въ виду блага трудящагося народа.

Эту основную мысль Левъ Николаевичъ подробно развиваетъ и доказываетъ, иллюстрируя ее блестящими художественными образами.

Истинная же наука, по мнѣнію Льва Николаевича,—та, которая учитъ людей тому, какъ имъ наилучшимъ образомъ прожить опредѣленный имъ срокъ жизни, исполняя волю того Начала, которое послало ихъ въ міръ.

Этой истинной наукѣ учили людей всѣ величайшіе религіозные и нравственные мыслители человѣчества, какъ древности, такъ и среднихъ и новыхъ вѣковъ.

Наукѣ этой учатся люди не ради дипломовъ, дающихъ возможность жить праздно, а для того, чтобы познать истину.

Религіозная истина, хотя и въ неполномъ и даже извращенномъ видѣ, проникла, по мнѣнію Льва Николаевича, и въ новѣйшія ученія соціализма, коммунизма, анархизма,—ученія, стремящіяся, хотя и ложными (потому что насильственными) путями, къ пересозданію жизни человѣческой на лучшихъ началахъ.

— Вотъ еще новость, сказалъ Н. Н. и сообщилъ слѣдующій интересный эпизодъ.

На этихъ дняхъ Левъ Николаевичъ получилъ статью подъ заглавіемъ: «Крестьянскіе Генрихи Блоки».

Статья эта касается дѣятельности крестьянскаго

банка, указывая на то, какъ невыгодны для крестьянина сдѣлки съ крестьянскимъ банкомъ. Авторъ статьи служилъ въ одномъ изъ провинціальныхъ отдѣленій крестьянскаго банка, гдѣ практически изучилъ всѣ его операціи (и лишился благодаря этой статьѣ занимаемаго имъ мѣста).

Статья эта произвела на Льва Николаевича очень сильное впечатлѣніе, и онъ письмомъ благодарилъ автора за правдивость и смѣлость его сообщенія, изъявивъ согласіе на то, чтобы, если статья будетъ напечатана отдѣльнымъ изданіемъ, письмо Льва Николаевича къ автору было приложено въ видѣ предисловія.

— Недавно, продолжалъ Н. Н., у насъ въ Ясной Полянѣ гостилъ петербургскій художникъ Пархоменко, которому Левъ Николаевичъ нѣсколько разъ позировалъ. Пархоменко готовитъ портретную галлерею русскихъ и иностранныхъ писателей. Левъ Николаевичъ позировалъ ему въ теченіе двухъ дней не болѣе трехъ часовъ, но портретъ вышелъ чрезвычайно удачный, и Л. Н. находитъ его лучшимъ изъ бывшихъ до сихъ поръ его портретовъ.

Во время нашего разговора вошла въ столовую, гостившая въ это время у Толстыхъ Н. А. Маклакова (сестра В. А. Маклакова). Завязавшійся общій разговоръ былъ вскорѣ прерванъ приходомъ Льва Николаевича, вернувшагося съ прогулки.

Поздоровавшись, Левъ Николаевичъ, указывая на меня, обратился шутя къ Н. Н. Гусеву:

— Вотъ, слышали... какія задачи мнѣ задаются,— потомъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Если бы мой докладъ былъ законченъ, я бы далъ его вашей газетѣ («Русскому Слову»), но врядъ ли онъ могъ бы быть у васъ напечатанъ по цензурнымъ условіямъ.

Вскорѣ Левъ Николаевичъ ушелъ къ себѣ работать, а я отправился къ Н. Н. Гусеву, чтобы записать кое-что изъ своей бесѣды съ Л. Н. Между прочимъ Н. Н. представилъ меня гостившей въ то время въ Ясной Полянѣ сестрѣ Льва Николаевича—монахинѣ Марьѣ Николаевнѣ.

Посѣтителей у насъ за послѣднее время очень много, — разсказывалъ мнѣ между прочимъ Н. Н. Гусевъ,—но, къ сожалѣнію, преобладаетъ контингентъ «любопытныхъ», являющихся сюда изъ празднаго любопытства увидать Толстого. Говорить съ ними Льву Николаевичу очень тяжело, и эти визиты его утомляютъ. Письма получаются попрежнему въ большомъ количествѣ. Очень много писемъ изъ тюремъ, съ жалобами на притѣсненія.

Левъ Николаевичъ хотѣлъ просмотрѣть то, что я записалъ, и Н. Н. отнесъ мои записки въ кабинетъ.

Вернувшись онъ сказалъ:

— Левъ Николаевичъ работаетъ и я не хотѣлъ прерывать его работы. Подождемъ немного.

Но я торопился на поѣздъ и просилъ Н. Н. передать мой привѣтъ, а записки прислать по почтѣ, что онъ и сдѣлалъ.

V.

ТОЛСТОЙ О И. И. МЕЧНИКОВѢ.

Еще въ прошлый мой пріѣздъ въ Ясную Поляну, когда уже стало извѣстно, что пріѣхавшій въ маѣ 1909 года въ Москву изъ Парижа И. И. Мечниковъ собирается побывать у Л. Н. Толстого въ Ясной Полянѣ, я заручился согласіемъ Льва Николаевича разсказать мнѣ о впечатлѣніяхъ знакомства съ знаменитымъ профессоромъ.

На слѣдующій день послѣ пребыванія И. И. Мечникова въ «Ясной Полянѣ» въ назначенный мнѣ часъ я былъ въ Ясной Полянѣ. Секретарь Льва Николаевича, Николай Николаевичъ Гусевъ встрѣтилъ меня внизу и попросилъ подождать въ нижнихъ «комнатахъ для гостей».

— Сейчасъ я скажу Льву Николаевичу,—сказалъ Н. Н. и ушелъ.

Обыкновенно, по приглашенію Льва Николаевича, я подымался на верхъ и шелъ къ нему въ кабинетъ, но въ этотъ разъ совершенно для меня неожиданно открылась дверь и вошелъ самъ Левъ Николаевичъ съ привѣтливой улыбкой.

— Здравствуйте, здравствуйте, сказалъ онъ, ну, что... «экзаменовать» меня пришли?...

Левъ Николаевичъ былъ въ отличномъ настроеніи духа, и, шутя, продолжалъ:

— Ну, что-жъ, «экзаменуйте»!..

Я ожидалъ, что послѣ пріема гостей наканунѣ, послѣ проведеннаго съ ними цѣлаго дня, увижу Льва Николаевича сильно утомленнымъ, и былъ страшно удивленъ его бодрымъ и веселымъ видомъ.

Я высказалъ это ему, на что онъ сказалъ:

— Какъ видите, я нисколько не утомленъ и прекрасно себя чувствую...

Ну, что-же вамъ сказать о И. И. Мечниковѣ? продолжалъ онъ—И.И.произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе.

Я не встрѣтилъ въ немъ обычной черты узости спеціалистовъ, ученыхъ людей. Напротивъ, широкій интересъ ко всему и въ особенности къ эстетическимъ сторонамъ жизни.

Съ другой стороны, самые спеціальные вопросы и открытія въ области науки онъ такъ просто излагалъ, что они невольно захватывали своимъ интересомъ.

— Я былъ пораженъ его энергіей: несмотря на ночь, проведенную въ вагонѣ, онъ такъ былъ оживленъ и бодръ, что представлялъ прекрасное доказательство вѣрности его гигіеническаго, отчасти даже нравственно-гігіеническаго режима, въ которомъ, по-моему, важное значеніе имѣетъ то, что онъ не пьетъ, не куритъ и ни въ какія игры не играетъ.

— Вы говорили о художественныхъ произведеніяхъ?

— Да. Между прочимъ, онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить, что я забылъ содержаніе «Анны Карениной»...

Я ему говорилъ, что если бы я теперь что-нибудь написалъ, то это было бы въ родѣ второй части «Фауста», т.-е. такая же чепуха. А онъ мнѣ разсказалъ свое объясненіе этой второй части— очень остроумное...

Въ разговорѣ мы вспомнили, что я зналъ его брата Ивана Ильича,—даже моя повѣсть «Смерть Ивана Ильича» имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ покойному, очень милому человѣку, бывшему прокурору тульскаго суда...

Левъ Николаевичъ на минуту задумался и потомъ вспомнилъ еще одинъ очень интересный эпизодъ:

— Послѣ разговора о вегетаріанствѣ, о которомъ говорили домашніе, Мечниковъ сталъ разсказывать о племени антропофаговъ, живущемъ въ Африкѣ, въ Конго. Онъ разсказалъ интересныя подробности о томъ, какъ они ѣдятъ своихъ плѣнныхъ. Сначала плѣннаго ведутъ къ военачальнику, который отмѣчаетъ у него на кожѣ тотъ кусокъ, который онъ оставляетъ для себя. Затѣмъ плѣннаго поочередно подводятъ для такихъ отмѣтокъ къ остальнымъ—по старшинству, пока всего не исполосуютъ.

— Меня это въ высшей степени заинтересовало,—продолжалъ Л. Н.,—и я спросилъ у Мечникова:

— Есть ли у этихъ людей религіозное міросозерцаніе?

И на это онъ отвѣтилъ. По его словамъ, они вѣруютъ въ «обоготвореніе» предковъ.

Я попросилъ сообщить мнѣ болѣе подробные матеріалы, касающіеся жизни этихъ людей, и онъ обѣщалъ мнѣ прислать ихъ, а также прислать свое сочиненіе «Les essais optimistiques», въ которомъ изложено его объясненіе второй части Фауста.

— Вообще,—сказалъ въ заключеніе Левъ Николаевичъ,—я отъ этого свиданія получилъ гораздо больше всего того хорошаго, чего ожидалъ.

Толстой въ Москвѣ въ 1909 году.

(Послѣднее посѣщеніе Москвы).

I.

ПРІѢЗДЪ ВЪ МОСКВУ.

3 сентября 1909 года со скорымъ поѣздомъ, въ восьмомъ часу вечера, изъ Ясной Поляны Левъ Николаевичъ Толстой пріѣхалъ въ Москву.

Еще задолго до прихода поѣзда на платформѣ курскаго вокзала собралась группа сотрудниковъ издательства «Посредникъ» и В. Г. Чертковъ.

Явилось также нѣсколько представителей открывающейся въ скоромъ времени въ Москвѣ новой вегетаріанской столовой.

На всѣхъ лицахъ было написано тревожное и нетерпѣливое ожиданіе.

— Они, — говорилъ мнѣ В. Г. Чертковъ, указывая на группу сотрудниковъ «Посредника», — никогда не видали Льва Николаевича и поэтому собрались встрѣтить его. Левъ Николаевичъ не

ожидаетъ никакихъ встрѣчъ, и, быть-можетъ, это причинитъ ему безпокойство и будетъ неожиданнымъ сюрпризомъ, но что же дѣлать...

Выяснилось, что поѣздъ, съ которымъ ѣхалъ Левъ Николаевичъ, шелъ съ опозданіемъ на 50 минутъ.

Въ ожиданіи поѣзда В. Г. Чертковъ говорилъ мнѣ:

— Левъ Николаевичъ ѣдетъ ко мнѣ погостить. Онъ только сегодня остановится въ Москвѣ у себя, въ Хамовникахъ, гдѣ переночуетъ, а завтра утромъ мы вмѣстѣ поѣдемъ ко мнѣ.

Живу я теперь невдалекѣ отъ Москвы по московско-кіево-воронежской дорогѣ, вблизи платформы «Апрѣлевка», въ имѣніи извѣстнаго проповѣдника Пашкова.

Левъ Николаевичъ очень любитъ изрѣдка выѣзжать куда-нибудь изъ Ясной Поляны.

Благодаря этимъ поѣздкамъ, онъ освобождается на время отъ докучливыхъ посѣтителей двоякаго рода: во-первыхъ, просителей, во-вторыхъ, праздныхъ любопытныхъ. Просители посѣщаютъ Льва Николаевича буквально каждый день, не давая ему прохода. Помочь имъ онъ не можетъ, и ему всегда очень тяжело выслушивать ихъ.

Любопытные, съ которыми ему рѣшительно не о чемъ говорить, утомляютъ и стѣсняютъ его.

Что же касается другой категоріи посѣтителей,— его единомышленниковъ, то онъ всегда очень радъ видѣть ихъ и бесѣдовать съ ними.

Но эти послѣдніе рѣже другихъ посѣщаютъ Льва Николаевича, изъ боязни тревожить и безпокоить его.

— Занятъ ли теперь Левъ Николаевичъ какой-либо новой работой? спросилъ я.

— Кажется, нѣтъ. Послѣ того, какъ онъ написалъ свой докладъ для конгресса мира въ Стокгольмѣ, онъ заканчивалъ кое-какія прежнія работы. Началъ ли онъ новыя, — не знаю. Левъ Николаевичъ, обыкновенно, не любитъ говорить о своихъ работахъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не выльются у него въ какую-либо опредѣленную, хотя бы и не законченную еще форму...

— Да, кстати о стокгольмскомъ конгрессѣ. Нѣкоторыя газеты сообщили, что конгрессъ этотъ былъ отложенъ изъ-за Толстого. Писали, будто его докладъ былъ написанъ настолько рѣзко, что устроители конгресса не сочли возможнымъ допустить чтеніе доклада и, вслѣдствіе этого, не желая обидѣть Льва Николаевича, рѣшили отложить конгрессъ на неопредѣленное время.

— Это совершеннѣйшій вздоръ!

Не могло всего этого быть по той простой причинѣ, что Левъ Николаевичъ доклада своего труда не посылалъ, и содержанія его тамъ совсѣмъ и не знаютъ.

Именно, Левъ Николаевичъ собирался самъ туда ѣхать и прочесть докладъ, а не посылать его, такъ какъ боялся, что если онъ его пошлетъ, то или прочтутъ докладъ въ сокращенномъ видѣ, или

не прочтутъ совсѣмъ. Отложенъ же былъ конгрессъ, вполнѣ естественно, изъ-за забастовки.

— Еще невѣрныя свѣдѣнія,—продолжалъ В. Г. Чертковъ,—сообщались гдѣ-то по поводу чтенія этого доклада въ Берлинѣ.

Дѣйствительно, какой-то предприниматель предлагалъ Льву Николаевичу прочесть докладъ въ Берлинѣ, но Левъ Николаевичъ отказался и предложилъ въ качествѣ лектора своего единомышленника г. Шмидта. Однако, нѣмецкій предприниматель сталъ публиковать, что докладъ прочтетъ самъ Толстой, и только въ случаѣ его болѣзни читать будетъ вмѣсто него одинъ изъ его близкихъ друзей. Очевидно, цѣлью этого объявленія была спекуляція...

— Долго ли пробудетъ у васъ Левъ Николаевисъ? спросилъ я.

— Вѣроятно, недѣли двѣ... Впрочемъ затрудняюсь точно сказать, такъ какъ это выяснится опредѣленно только по пріѣздѣ Льва Николаевича.

Въ это время вдали показались огни подходящаго поѣзда.

Медленно подходитъ, наконецъ, такъ давно ожидаемый, опоздавшій ровно на часъ поѣздъ. Первыя минуты всѣ тщетно ищутъ вагонъ, въ которомъ ѣдетъ Левъ Николаевичъ.

— Надо спросить у кондуктора,—рѣшаетъ кто-то.

Попадается навстрѣчу кондукторъ.

— Гдѣ графъ Толстой?

— Въ послѣднемъ вагонѣ!

Всѣ спѣшатъ туда, но вотъ, вдали на платформѣ движется уже навстрѣчу знакомая фигура Льва Николаевича.

Левъ Николаевичъ шагаетъ бодро и быстро.

На немъ свѣтлая, совсѣмъ почти бѣлая, парусиновая блуза и темныя брюки въ сапогахъ. На головѣ круглая соломенная шляпа съ большими полями.

Съ нимъ идутъ сопровождавшіе его въ дорогѣ дочь Александра Львовна и докторъ Д. П. Маковицкій. Левъ Николаевичъ радостнымъ восклицаніемъ встрѣчаетъ В. Г. Черткова и здоровается съ нимъ.

— Устали?—спрашиваетъ его Чертковъ.

— Усталъ немного,—отвѣчаетъ Левъ Николаевичъ.

Вѣсть о томъ, что на платформѣ находится Л. Н. Толстой, распространяется съ быстротой молніи по всему вокзалу, и окружающая насъ толпа растетъ съ неимовѣрной быстротой.

Я здороваюсь съ Львомъ Николаевичемъ и спрашиваю о его здоровьѣ.

— Ничего, хорошо... Все ближе къ смерти,—говоритъ Левъ Николаевичъ свою излюбленную фразу.

— Ѣхалъ я въ вагонѣ,—продолжаетъ Л. Н.,—очень хорошо, но вотъ сейчасъ, когда пріѣхалъ, чувствую, что усталъ.

Разговоръ заходитъ о высланномъ недавно секретарѣ Льва Николаевича, Н. Н. Гусевѣ.

— Отъ него я получилъ на-дняхъ письмо,—говоритъ Л. Н.—Пишетъ, что все благополучно. Представьте себѣ, мнѣ кажется, что онъ скоро вернется, есть у меня такое предчувствіе... Да, вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ, нельзя иначе... Слишкомъ ужъ это нелѣпо...

Мы уже на улицѣ.

— Отецъ, осторожно! Ступеньки!..—говорила дочь Льва Николаевича.

— Ничего, ничего... я вижу!

Л. Н. быстро сходитъ со ступенекъ.

Подаютъ коляску, въ которую садятся Левъ Николаевичъ, Александра Львовна, докторъ Маковицкій и В. Г. Чертковъ.

Долго укладываютъ вещи, а толпа вокругъ экипажа растетъ и растетъ...

Со всѣхъ сторонъ Льву Николаевичу кланяются, онъ отвѣчаетъ всѣмъ на поклоны.

Наконецъ, коляска трогается.

— Прощайте, Левъ Николаевичъ! Всего хорошаго!.. Счастливаго пути!..—раздается со всѣхъ сторонъ.

II.

ВЪ МОСКВѢ.

Съ вокзала Левъ Николаевичъ отправился въ свой домъ въ Хамовники.

Тамъ онъ провелъ весь вечеръ въ кругу близкихъ и родныхъ.

На слѣдующій день 4-го сентября, утромъ, передъ отъѣздомъ своимъ къ В. Г. Черткову, Левъ Николаевичъ, въ сопровожденіи близкихъ ему лицъ, побывалъ въ городѣ и заѣзжалъ, между прочимъ, въ одинъ изъ московскихъ музыкальныхъ магазиновъ.

Тамъ онъ прослушалъ съ большимъ вниманіемъ нѣсколько пьесъ, исполненныхъ усовершенствованнымъ механическимъ піанино. Особенно хорошее впечатлѣніе произвело исполненіе баллады Шопена.

Левъ Николаевичъ много говорилъ о томъ, что такой инструментъ можетъ принести пользу, если онъ станетъ доступнымъ простому люду, которому дастъ возможность слушать хорошія музыкальныя произведенія.

III.

ОТЪѢЗДЪ КЪ В. Г. ЧЕРТКОВУ.

Въ тотъ же день, т. е. 4-го сентября Лѣвъ Николаевичъ уѣхалъ изъ Москвы къ В. Г. Черткову.

Отдаленный отъ города брянскій вокзалъ въ 12 часовъ дня имѣлъ сонливый и пустынный видъ: десятокъ-два пассажировъ, нѣсколько безучастно ко всему относящихся служащихъ.

Но вотъ къ вокзалу подъѣзжаетъ экипажъ, въ которомъ сидитъ Левъ Николаевичъ съ В. Г. Чертковымъ.

Какъ по мановенію волшебнаго жезла, вся картина внезапно мѣняется.

Неизвѣстно откуда, сразу на ступенькахъ вокзала образовывается тѣсная толпа.

Всѣ снимаютъ шляпы.

Левъ Николаевичъ, привѣтливо отвѣчая на поклоны, проходитъ въ буфетную комнату. Тамъ встрѣчаютъ его дочь Александра Львовна, докторъ Д. П. Маковицкій, піанистъ А. Б. Гольденвейзеръ, М. А. Маклакова и еще нѣсколько знакомыхъ.

Небольшая буфетная комната брянскаго вокзала наполняется публикой, которая окружаетъ столъ, за которымъ сидитъ Левъ Николаевичъ.

Чертковъ предупредилъ меня о томъ, что Левъ Николаевичъ желаетъ сказать мнѣ нѣсколько словъ о «Кругѣ чтенья» для передачи издательству нашей газеты.

Увидя меня, онъ всталъ изъ за общаго стола и подошелъ къ другому свободному.

— Сядемъ здѣсь! сказалъ онъ мнѣ.

Мы сѣли.

— Ну, вотъ что дѣлается!..—полусмущенно, полуукоризненно сказалъ онъ, указывая на столпившуюся публику.

Едва Левъ Николаевичъ успѣлъ сказать мнѣ нѣсколько словъ, какъ къ столу подошелъ В. Г. Чертковъ и заявилъ:

— Пора садиться въ вагонъ!

Левъ Николаевичъ поднимается и, сопровождаемый близкими лицами, быстрой походкой идетъ на перронъ.

Толпа плотной стѣной движется за ними.

Перронъ принимаетъ, вѣроятно, совершенно здѣсь невиданную физіономію.

Льву Николаевичу пришлось пройти мимо всего поѣзда къ вагону, находящемуся вслѣдъ за багажнымъ вагономъ.

Левъ Николаевичъ ѣдетъ въ третьемъ классѣ.

У ступеньки вагона всѣ останавливаются.

М. А. Маклакова проситъ Льва Николаевича подождать и направляетъ на него свой «кодакъ».

Левъ Николаевичъ покорно подчиняется.

— Готово?—спрашиваетъ онъ послѣ нѣкоторой паузы.

— Готово, спасибо.

Л. Н. Толстой входитъ въ вагонъ. За нимъ входятъ и наполняютъ вагонъ провожающіе и любопытные.

Ѣдутъ со Л. Н. его дочь Александра Львовна, В. Г. Чертковъ и его докторъ.

— Надолго ѣдете? — спрашиваетъ кто-то изъ провожающихъ у Льва Николаевича.

— На недѣлю или на двѣ,—отвѣчаетъ за него В. Г. Чертковъ.

— Счастливаго пути, всего хорошаго, Левъ Николаевичъ!—слышится со всѣхъ сторонъ.

Раздается третій звонокъ.

На одну секунду въ открытомъ окнѣ вагона показывается Левъ Николаевичъ, и всѣ снимаютъ шляпы.

Левъ Николаевичъ кланяется и скрывается въ глубинѣ вагона.

Поѣздъ трогается...

У В. Г. Черткова Левъ Николаевичъ пробылъ съ 4-го до 18-го сентября.

Туда вскорѣ пріѣхала и Софья Андреевна.

IV.

НА ОБРАТНОМЪ ПУТИ НА ПЛАТФОРМѢ «КРЕКШИНО».

18-го сентября, получивъ сообщеніе о томъ, что Левъ Николаевичъ собирается выѣхать изъ имѣнія Пашкова, я съ утреннимъ поѣздомъ выѣхалъ навстрѣчу.

Конечнымъ пунктомъ была платформа «Крекшино», отстоящая версты на двѣ отъ пашковскаго имѣнія.

Съ тѣмъ же поѣздомъ, какъ оказалось, направлялись въ «Крекшино» и два фотографа, изъ нихъ одинъ фотографъ-синематографистъ.

Въ два часа поѣздъ оставилъ насъ въ «Крекшинѣ»—на пустынной платформѣ, въ лѣсу, у проселочной дороги.

Тутъ оказался мальчикъ изъ «Пашкова», который сообщилъ:

— Въ половинѣ третьяго изъ «Пашкова» выѣзжаютъ!..

Во время ожиданія неизвѣстно откуда вынырнулъ еще одинъ фотографъ.

Нѣкоторое время спустя послышался чей-то голосъ:

— Кажется, ѣдутъ!..

Изъ-за деревьевъ показался тарантасъ, подъѣхалъ, остановился.

Вышелъ изъ него... еще фотографъ, на этотъ разъ спеціальный фотографъ-англичанинъ, работающій подъ наблюденіемъ В. Г. Черткова.

У него было два аппарата: одинъ для обыкновенныхъ снимковъ, другой — для синематографическихъ.

Такимъ образомъ, въ ожиданіи Льва Николаевича собралась цѣлая армія фотографовъ, которая стала немедленно занимать позиціи.

— Ѣдутъ!..—послышался возгласъ.

Изъ лѣса, дѣйствительно, показались экипажи.

Фотографы моментально открыли по нимъ огонь.

Затрещали колесики синематографовъ, защелкали кодаки.

Въ первомъ экипажѣ сидѣли—супруга Льва Николаевича графиня Софья Андреевна и его дочь Александра Львовна.

Левъ Николаевичъ шелъ изъ имѣнья пѣшкомъ.

Какъ потомъ разсказывали, увидѣвъ издали нападеніе фотографовъ, онъ скрылся-было въ лѣсъ, сказавъ:

— Пойду грибы искать!

Но въ концѣ концовъ вернулся, вѣроятно, боясь опоздать на поѣздъ, и, окруженный группой знакомыхъ, сталъ подходить къ платформѣ.

Его сопровождали: В. Г. Чертковъ, А. Б. Гольденвейзеръ, сынъ В. Г. Черткова и нѣсколько молодыхъ людей.

Аппараты трещали безпрерывно...

Фотографы, къ которымъ присоединился и Г. В. Чертковъ, сняли Льва Николаевича сидящимъ на платформѣ, сначала одного, потомъ съ В. Г. Чертковымъ, потомъ съ Софьей Андреевной.

«Синематографисты» снимали его гуляющимъ по платформѣ подъ-руку съ Софьей Андреевной и окруженнымъ кучей дѣтей, собравшихся его проводить.

— Кажется, эта болѣзнь заразительна!—смѣясь, говорила мнѣ Александра Львовна.—Мнѣ тоже захотѣлось снимать, жаль только, аппаратъ далеко уложенъ...

Подходитъ, наконецъ, сильно запоздавшій поѣздъ, и мы всѣ усаживаемся въ вагонъ второго класса.

Фотографы не прекращаютъ своего «огня» до третьяго звонка, послѣ котораго вскакиваютъ въ вагоны и ѣдутъ «добивать» въ Москву, на Брянскій вокзалъ.

V.

ВЪ ВАГОНѢ. БЕСѢДЫ СЪ Л. Н. И СЪ БЛИЗКИМИ ЕМУ ЛИЦАМИ.

Бесѣда въ ожиданіи поѣзда въ «Крекшинѣ» и во время переѣзда въ вагонѣ была больше общей.

На мои вопросы Левъ Николаевичъ отвѣчалъ:

— Чувствую я себя превосходно!.. Своей поѣздкой я очень доволенъ, провелъ время прекрасно. Мнѣ очень пріятно было провести время въ кругу близкихъ людей, и я былъ радъ интереснымъ впечатлѣніямъ отъ новыхъ встрѣчъ... Я нисколько не утомленъ этой поѣздкой...

— Да, впрочемъ, съ вами,—улыбаясь, говорилъ Левъ Николаевичъ,—надо говорить, подумавъ... а то, вѣдь, вы тоже...

— Запечатлѣю, какъ фотографъ? — подсказываю я.

Левъ Николаевичъ добродушно смѣется.

— Я вѣдь, шучу!—говоритъ онъ.

И начинаетъ разспрашивать о томъ, что новаго въ Москвѣ.

Въ дорогѣ Софья Андреевна подѣлилась со мною интересными новостями:

— Недавно, совершенно случайно,—разсказала она,—я нашла въ бумагахъ собственноручное письмо Льва Николаевича къ его брату Сергѣю, помѣченное 5-мъ декабря 1852 года и, очевидно, имъ не посланное.

Въ письмѣ этомъ Л. Н. пишетъ, что онъ сильно огорчился, прочитавъ свой разсказъ въ печати.

«Все, что въ немъ есть нелѣпое и пошлое,— пишетъ, между прочимъ, Л. Н.,—во всемъ этомъ виноваты редакція и цензура».

— Я сейчасъ,—продолжала С. А.,—занята подготовкой новаго изданія полнаго собранія сочиненій Льва Николаевича.

Въ этомъ письмѣ, судя по датѣ 1852 года, рѣчь идетъ о его «Дѣтствѣ и отрочествѣ».

Кромѣ того, сильно искажены въ прежнихъ изданіяхъ его «Записки маркера», а одна изъ рукописей «Военныхъ разсказовъ» была просто похищена.

Возстановленіемъ и точнымъ воспроизведеніемъ оргиналовъ всѣхъ этихъ и другихъ вещей Льва Николаевича я теперь и занята.

Кромѣ того, я издаю собственную книгу «Дѣтскихъ сказокъ». Нѣкоторыя сказки, какъ, напримѣръ, «Куколки-скелетцы» написанныя мною на сюжетъ, данный мнѣ Львомъ Николаевичемъ.

Софья Андреевна жаловалась на недомоганіе ноги и говорила:

— Мнѣ даже, съ моей постоянной энергіей и хлопотливостью, какъ-то странно вдругъ почувство-

вать, что приходится медленно двигаться и записываться въ старухи! Впрочемъ, у меня уже 23 внука, а на-дняхъ долженъ появиться и 24-й!.. Есть даже и одинъ правнукъ!

— Черезъ нѣсколько дней,—вспомнила С. А.,— 23-го сентября исполнится 47 лѣтъ нашей свадьбы со Львомъ Николаевичемъ, такъ что скоро будемъ и юбилей праздновать!.. Увы! предсказанье это не оправдалось: черезъ годъ и нѣсколько дней послѣ этого разговора Льва Николаевича не стало...

В. Г. Черткова я просилъ вкратцѣ разсказать про пребываніе Льва Николаевича въ имѣніи Пашкова.

— Все время,—отвѣчалъ онъ,—Левъ Николаевичъ чувствовалъ себя очень хорошо. На него благотворно дѣйствуютъ такія поѣздки.

Въ первое время пребыванія у насъ и въ концѣ его мало безпокоили посѣтители, но зато какъ-то на праздникахъ было цѣлое нашествіе.

Дошло до того, что устроили прогулку вокругъ дома и стали заглядывать даже въ окна!..

Люди болѣе деликатные и болѣе близкіе спрашивали, обыкновенно, черезъ меня письменно, можно ли имъ пріѣхать и повидать Льва Николаевича, и я отвѣчалъ отрицательно, желая дать Л. Н. отдыхъ.

Пріѣзжали же безъ предварительныхъ переговоровъ, по большей части, просто любопытные, ничего общаго съ Л. Н. не имѣющіе, далекіе ему люди.

Левъ Николаевичъ здѣсь работалъ и написалъ двѣ статьи въ формѣ діалоговъ.

Направляясь однажды пѣшкомъ въ деревню, чтобы повидать одного своего знакомаго старика-крестьянина, Л. Н. повстрѣчался съ какимъ-то другимъ крестьяниномъ, оказавшимся большимъ краснобаемъ.

Понемногу Л. Н. сталъ задавать ему вопросы, думаетъ ли онъ когда-нибудь о душѣ.

Въ концѣ-концовъ собесѣдникъ Л. Н. оставилъ свое краснобайство и весь проникся словами Л. Н.

Левъ Николаевичъ былъ очень умиленъ этой перемѣной.

«Съ такими людьми жить можно»,—пишетъ онъ.

Вторая статья излагаетъ бесѣду съ крестьянами относительно ихъ обычныхъ жалобъ на положеніе и нужды. Сперва говорится объ этихъ нуждахъ, а затѣмъ Л. Н. въ бесѣдѣ указываетъ на тотъ исходъ, который, по его мнѣнію, для нихъ возможенъ, и къ которому имъ надобно стремиться....

— Говоря о посѣтителяхъ,—«любопытныхъ»,—вспоминаетъ В. Г. Чертковъ,—я забылъ упомянуть о двухъ какихъ-то психопаткахъ, которыя во время прогулки въ Крекшино подошли къ нашей группѣ и, не будучи никому знакомы, ни съ кѣмъ не здороваясь, устроились съ двухъ сторонъ около Льва Николаевича, и всю дорогу шли рядомъ, молча, не сводя съ него глазъ. Въ это время насъ снималъ синематографъ, и эти двѣ особы попали

въ него,—всѣ будутъ, вѣроятно, думать, что это его единомышленницы.

— Между прочимъ,—продолжалъ В. Г. Чертковъ,—со Львомъ Николаевичемъ случился слѣдующій смѣшной эпизодъ. У меня спеціальный фотографъ - синематографистъ, присланный Эдиссономъ для воспроизведенія синематографическихъ снимковъ съ Л. Н.

Какъ-то Льву Николаевичу подали верховую лошадь.

Но пашковскій конюхъ, очевидно, по разсѣянности, затянулъ стремена на самую высшую пряжку.

Левъ Николаевичъ этого не замѣтилъ и, собираясь сѣсть на лошадь, поднялъ ногу, но, конечно, до стремени не досталъ...

Стремена опустили, но старикъ-конюхъ сталъ подсаживать Л. Н., и вышло, какъ-будто онъ самъ не въ состояніи сѣсть на лошадь. На самомъ же дѣлѣ онъ отлично и легко всегда справляется самъ.

Было очень досадно, что все это запечатлѣлось въ синематографѣ.

Но Л. Н. сказалъ, что онъ тутъ же подумалъ про себя, будетъ ли ему непріятно оказаться въ комичномъ положеніи, и сейчасъ же пришелъ къ тому заключенію, что въ этомъ нѣтъ ничего обиднаго.

Зато вечеромъ, когда всѣ слушали вальсъ, исполнявшійся на механическомъ піанино, Левъ Николаевичъ прошелся одинъ туръ со своей невѣсткой и, шутя, заявилъ:

— Это взамѣнъ утренней неудачи!

Дочь Льва Николаевича, Александра Львовна, въ дорогѣ разсказывала мнѣ о пашковскомъ домѣ:

— Отцу было очень пріятно пребываніе въ Пашковѣ, гдѣ онъ былъ окруженъ людьми, сочувствующими ему, его единомышленниками.

Сынъ В. Г. Черткова работаетъ наравнѣ съ простыми рабочими. Да и вообще здѣсь очень просто себя держатъ.

Крестьяне приходятъ въ домъ наравнѣ съ другими гостями, домашняя прислуга обѣдаетъ со всѣми за однимъ столомъ.

Между прочимъ, Александра Львовна разсказала, что Левъ Николаевичъ хотѣлъ попасть въ Москвѣ на балетный спектакль.

— У отца,—говорила А. Л.,—есть два единомышленника и послѣдователя—два балетныхъ танцора, артисты московскаго балета.

Какъ это ни странно, и какъ это ни кажется несовмѣстимымъ, но оба они безусловно его убѣжденные ученики. И вотъ отцу хотѣлось бы узнать и поразспросить у нихъ про ихъ службу, но онъ считалъ это неудобнымъ, и очень хотѣлъ самъ пойти въ балетъ и посмотрѣть.

Но это сейчасъ не удастся, такъ какъ сегодня не балетный спектакль.

Затѣмъ Александра Львовна разсказывала о днѣ именинъ Софьи Андреевны 17-го сентября, только что отпразднованномъ у Черткова:

Послѣ обѣда игралъ квартетъ (Могилевскій, Ба-

калейниковъ, Зиссерманъ и Ильиченко). Играли, между прочимъ, «Интерлюдіумъ» Глазунова, «Егеръ-квартетъ» Моцарта и квартетъ Диттерсдорфа, andante котораго тронуло до слезъ Льва Николаевича.

За ужиномъ Левъ Николаевичъ читалъ вслухъ своимъ гостямъ нѣкоторыя изъ получаемыхъ имъ писемъ и свои отвѣты на нихъ, а затѣмъ прочелъ написанную здѣсь свою статью-діалогъ съ крестьяниномъ о душѣ.

VI.

ПРІѢЗДЪ ВЪ МОСКВУ.

Нечего и говорить, что не успѣлъ остановиться поѣздъ на платформѣ брянскаго вокзала, какъ къ нашему вагону хлынула толпа.

Левъ Николаевичъ посмотрѣлъ въ окно и весело и добродушно сказалъ сопровождавшимъ его лицамъ:

— Смотрите, а синематографъ уже здѣсь, и уже насъ снимаютъ!..

Не успѣлъ Л. Н. выйти изъ вагона, какъ былъ тотчасъ же окруженъ огромной толпой народа, сквозь которую, казалось, не было никакой возможности протиснуться впередъ.

Но когда Левъ Николаевичъ подъ-руку съ Софьей Андреевной двинулся впередъ,—всѣ, какъ одинъ человѣкъ, почтительно разступались передъ ними.

На улицѣ фотографы «добивали», а одинъ изъ нихъ поскакалъ впередъ и сдѣлалъ еще нѣсколько снимковъ передъ домомъ въ Хамовникахъ, куда Л. Н., со всѣми своими близкими, поѣхалъ съ вокзала.

VII.

Л. Н. ТОЛСТОЙ ВЪ СИНЕМАТОГРАФѢ.

Еще въ вагонѣ, по дорогѣ изъ Крекшина въ Москву, зашла рѣчь о синематографахъ, и было сдѣлано предложеніе посѣтить вечеромъ одинъ изъ московскихъ синематографическихъ театровъ.

Вечеромъ Левъ Николаевичъ, въ сопровожденіи пріѣхавшихъ съ нимъ и нѣкоторыхъ московскихъ знакомыхъ, въ числѣ которыхъ былъ, между прочимъ, В. А. Маклаковъ, отправился въ синематографическій театръ.

Выборъ палъ на ближайшій находящійся на Арбатѣ.

Появленіе Льва Николаевича въ переполненной залѣ театра произвело трогательную сенсацію.

Всѣ присутствующіе съ радостью и съ благоговѣніемъ смотрѣли на великаго писателя...

Общее сердечное вниманіе случайной горсточки московскаго населенія, оказанное ему, чрезвычайно тронуло Льва Николаевича, о чемъ онъ говорилъ на возвратномъ пути В. Г. Черткову.

При отъѣздѣ Л. Н. изъ театра произошелъ трогательный эпизодъ. Какой-то старикъ бросился къ

экипажу и сталъ просить Льва Николаевича начертить ему на книгѣ хотя бы крестикъ собственной рукой.

— Голубчикъ, Левъ Николаевичъ!... Вѣдь, благодаря вамъ я пить бросилъ!..

Левъ Николаевичъ написалъ ему свой автографъ.

Старикъ долго еще смотрѣлъ вслѣдъ, говоря:

— Какое счастье! Сподобился говорить со Львомъ Николаевичемъ..

Весь вечеръ по прiѣздѣ домой Левъ Николаевичъ,—какъ и весь день впрочемъ,—былъ въ отличнѣйшемъ расположенiи духа.

Онъ много смѣялся, разсказывая окружающимъ, какъ снимали его во время поѣздки «синематографщики».

Ихъ постоянное перебѣганiе съ мѣста на мѣсто во время производства снимковъ ужасно смѣшило Льва Николаевича, и онъ, говорилъ, что, смотря на нихъ, было очень трудно сдержать улыбку, между тѣмъ какъ надо было непремѣнно сохранять серьезное выраженiе лица.

Разсказывая объ этомъ, Л. Н. показывалъ въ лицахъ окружавшихъ его фотографовъ.

На слѣдующе утро 19-го сентября былъ назначенъ отъѣздъ изъ Москвы въ Ясную Поляну.

Это послѣднее въ жизни Льва Николаевича посѣщенье Москвы ознаменовалось небывалыми проводами, экспромтомъ состоявшимися на Курскомъ вокзалѣ.

Наканунѣ по телефону В. Г. Чертковъ, сообщая мнѣ о часѣ отъѣзда Льва Николаевича, просилъ не печатать его въ нашей газетѣ—Левъ Николаевичъ всѣми силами стремился избѣжать шума.

Просьбу Черткова я исполнилъ, однако въ одной изъ московскихъ газетъ часъ отъѣзда Льва Николаевича былъ указанъ—за что впослѣдствіи письмами въ редакцію нѣкоторые изъ читателей даже упрекали насъ въ упущеніи!..

VII

ПРОВОДЫ И ОТЪѢЗДЪ ИЗЪ МОСКВЫ Л. Н. ТОЛСТОГО.

Такихъ проводовъ, какіе 19 сентября 1909 года были устроены Льву Николаевичу Толстому въ Москвѣ врядъ ли когда-нибудь удостоивался кто-либо изъ писателей.

Съ самаго ранняго утра съ быстротой молніи разнеслась по Москвѣ вѣсть о томъ, что Л. Н. уѣзжаетъ изъ Москвы въ 12 ч. 30 м. въ Ясную Поляну.

Рано утромъ Левъ Николаевичъ вышелъ въ сопровожденіи В. Г. Черткова на прогулку по московскимъ улицамъ.

Когда онъ возвращался домой, въ десятомъ часу, около дома Толстыхъ, въ Хамовническомъ переулкѣ, стали собираться желавшіе взглянуть на великаго писателя.

Тутъ уже были и фотографы, ожидавшіе его возвращенія.

Толпа въ Хамовническомъ переулкѣ росла и росла.

Наконецъ, около 12-ти часовъ были поданы экипажи.

Левъ Николаевичъ сѣлъ въ коляску съ супругой Софьей Андреевной, дочерью Александрой Львовной и В. Г. Чертковымъ.

Въ другіе экипажи сѣли близкіе ему родственники.

Во время проводовъ въ Хамовническомъ переулкѣ были трогательныя сцены.

Между прочимъ, къ Льву Николаевичу подошла какая-то старушка и просила его произнести «хоть одно только» слово.

Л. Н. поговорилъ съ ней.

Въ продолженіе всей дороги отъ дома до курскаго вокзала экипажъ, въ которомъ сидѣлъ Л. Н. съ семьей, снималъ фотографъ-синематографистъ, поминутно обгонявшій экипажъ, заѣзжая впередъ.

На курскомъ вокзалѣ еще болѣе чѣмъ за часъ до отхода поѣзда, задолго до пріѣзда Льва Николаевича, начала собираться огромная толпа.

По мѣрѣ приближенія времени отхода поѣзда, толпа росла и росла.

Чуть не вся площадь передъ курскимъ вокзаломъ была запружена.

Тутъ были представители всѣхъ слоевъ населенія Москвы.

Художники, артисты, журналисты, торговцы, рабочіе...

И между ними въ преобладающемъ количествѣ— учащаяся молодежь.

Масса студентовъ и курсистокъ. Въ кружкѣ журналистовъ стоятъ два депутата—В. А. Макла-

ковъ и бывшій секретарь второй Думы М. В. Челноковъ. Толпа все возрастала и дошла уже до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ.

Усердно работали фотографы и синематографисты, снимая отдѣльныя группы ожидавшихъ.

— Ѣдетъ, ѣдетъ!...—послышалось вдругъ въ толпѣ.

Вдали, изъ-за угла, показалась коляска.

Часть толпы хлынула навстрѣчу, моментально окружила коляску, загородивъ ей дальнѣйшій путь.

Коляска остановилась саженъ за 200 до подъѣзда къ вокзалу,—все вокругъ было полно народа.

Моментально всѣ, какъ одинъ человѣкъ, сняли шляпы.

Раздалось громовое «ура». Кое-какъ начали понемногу очищать проѣздъ, и коляска медленнымъ шагомъ стала двигаться по направленію къ вокзалу.

Левъ Николаевичъ, снявъ шляпу, съ непокрытой головой сидя въ коляскѣ, привѣтливо раскланивался со всѣми. Медленно подъѣхала, наконецъ, коляска къ ступенькамъ вокзала.

Сопутствуемый съ одной стороны Софьей Андреевной, съ другой—В. Г. Чертковымъ, Л. Н. сталъ подниматься къ дверямъ вокзала.

Нельзя описать той невообразимой давки, которая все возрастала вокругъ Л. Н. и сопровождавшихъ его лицъ.

Творилось что-то невѣроятное, и казалось немыслимымъ пробраться внутрь вокзала.

Громкое, радостное «ура» не смолкало ни на одну минуту.

Кое-какъ съ большимъ трудомъ Л. Н. Толстой пробирается внутрь вокзала и, въ сопровожденіи не отстающей тысячной толпы, выходитъ на перронъ.

Устремившась изъ всѣхъ дверей и оконъ, публика въ одно мгновеніе переполняетъ весь перронъ курскаго вокзала, со всѣми его платформами. Мало того: размѣщаются въ стоящихъ около поѣздахъ, въ вагонахъ, на паровозахъ, на барьерахъ и т. д.

Поѣздъ, съ которымъ долженъ ѣхать Левъ Николаевичъ, стоялъ на третьей платформѣ.

Начинаетъ казаться, что пройти туда окруженному со всѣхъ сторонъ Льву Николаевичу будетъ невозможно.

— Цѣпь, цѣпь, господа!.. Устройте цѣпь!..— слышатся голоса.

Студенты и многіе изъ толпы становятся шпалерами и, берясь за руки, устраиваютъ цѣпь.

Наконецъ, Левъ Николаевичъ со своими близкими приближается къ поѣзду и идетъ къ своему вагону между импровизированныхъ шпалеръ.

«Ура» не смолкаетъ и все усиливается.

Кое-какъ добираются до вагона второго класса.

Входятъ въ вагонъ.

— Садитесь, садитесь скорѣе въ купэ и затворите его,—говоритъ кто-то.

Въ купэ садятся Левъ Николаевичъ, Софья Андреевна и В. Г. Чертковъ.

Весь перронъ и сосѣднія платформы запружены.

Изъ оконъ вагона видно море головъ.

Тѣснѣе и тѣснѣе становится у открытаго окна вагона, въ который вошелъ Л. Н.

Минута, и Левъ Николаевичъ выходитъ изъ своего купэ и подходитъ къ окну.

Привѣтствія и крики принимаютъ грандіозные размѣры.

Энтузіазмъ и подъемъ растутъ.

Черезъ нѣсколько секундъ слышны крики:

— Тише, тише господа!.. Левъ Николаевичъ будетъ говорить!..

Съ трудомъ удается сдержать клики и восклицанія.

Наступаетъ, наконецъ, тишина.

Обращаясь ко всѣмъ, Левъ Николаевичъ говоритъ:

— Никакъ не ожидалъ такой радости, такого проявленія сочувствія со стороны людей... Спасибо!

Слезы мѣшаютъ ему говорить.

Со всѣхъ сторонъ раздается:

— Вамъ, вамъ спасибо!..

Третій звонокъ. Поѣздъ трогается.

За вагономъ бѣжитъ толпа.

— Спасибо, друзья, спасибо!..—говоритъ изъ окна Левъ Николаевичъ.

Въ отвѣтъ раздаются крики:

— Живите еще сто лѣтъ! Работайте на нашу пользу... До свиданія!..

Левъ Николаевичъ отвѣчаетъ:

— До свиданія, если Богъ дастъ!..

Общее «ура» провожаетъ скрывающійся поѣздъ.

Проводить Льва Николаевича поѣхалъ В. Г. Чертковъ.

Доѣхалъ онъ только до Серпухова, такъ какъ за предѣлами Серпухова начинается Тульская губернія, изъ которой въ то время Чертковъ, какъ извѣстно, былъ высланъ.

По возвращеніи въ Москву В. Г. Чертковъ разсказывалъ:

— До Серпухова всю дорогу Левъ Николаевичъ ѣхалъ вполнѣ благополучно. Онъ былъ чрезвычайно тронутъ сердечными проводами.

Глядя изъ окна вагона на разстилавшіеся передъ нимъ лѣса и поля, Л. Н., по обыкновенію, выражалъ удивленіе людямъ, не живущимъ здѣсь и предпочитающимъ собираться въ городахъ, съ тѣсными помѣщеніями и каменными постройками.

Особенно много говорилъ Л. Н. про дѣтей, которыхъ онъ встрѣчалъ утромъ на улицахъ Москвы, идущихъ массами въ школы, и находилъ, что, не давая имъ возможности жить среди природы и посылая ихъ въ школы, люди извращаютъ дѣтскіе характеры...

Такъ разсталась Москва въ послѣдній разъ съ Толстымъ.

Послѣднее посѣщеніе „Ясной Поляны".

Въ маѣ 1910-го года—за полгода до смерти Льва Николаевича—я въ послѣдній разъ при жизни его посѣтилъ «Ясную Поляну» и въ послѣдній разъ видѣлъ его.

Войдя въ яснополянскій домъ,—я встрѣтился съ новымъ лицомъ—съ новымъ секретаремъ Льва Николаевича В. Булгаковымъ.

Мы познакомились.

— Левъ Николаевичъ на прогулкѣ... сказалъ онъ мнѣ, придется подождать.

Я отправился въ нижнія комнаты для пріѣзжихъ.

Черезъ нѣсколько минутъ я услышалъ въ находящейся рядомъ съ ними передней шумъ отворявшихся дверей и узналъ голосъ Льва Николаевича.

Я вышелъ къ нему навстрѣчу.

Левъ Николаевичъ былъ въ этотъ разъ въ бодромъ и хорошемъ настроеніи.

— Здравствуйте, Левъ Николаевичъ!

— Здравствуйте, здравствуйте... и, повернувшись къ В. Булгакову, Левъ Николаевичъ весело сказалъ ему:

— Ну, вотъ видите!.. Я же говорилъ вамъ, что кто-нибудь «литературный» къ намъ набѣжитъ!.. Теперь и не надо посылать письма...

Въ дальнѣйшемъ Левъ Николаевичъ пояснилъ свои слова:

— Одна крестьянская дѣвушка, сказалъ онъ, прислала мнѣ письмо, въ которомъ сдѣлала свое жизнеописаніе... Письмо это очень замѣчательное, и мы собирались послать его для напечатанія въ какой-нибудь журналъ или въ газету...

— Къ этому письму Левъ Николаевичъ написалъ «предисловіе», сообщилъ мнѣ В. Булгаковъ.

Я сталъ просить Льва Николаевича дать согласіе на напечатаніе его «предисловія» и письма дѣвушки въ нашей газетѣ.

Левъ Николаевичъ согласился, далъ мнѣ и «предисловіе» и письмо, но, желая еще разъ просмотрѣть его, предложилъ до напечатанія прислать въ корректурѣ копію письма.

Когда впослѣдствіи я исполнилъ это желаніе Льва Николаевича, я получилъ въ отвѣтъ письмо отъ его секретаря В. Булгакова, въ которомъ онъ между прочимъ, писалъ:

«Какъ Вы и знаете отъ самого Льва Николаевича, ему хотѣлось еще разъ просмотрѣть это большое письмо, чтобы, если понадобится, сдѣлать въ немъ какія-нибудь редакціонныя измѣненія. Онъ взялся бы за эту работу сейчасъ,—но ему, кромѣ текста письма, необходимо также его предисловіе, которое онъ вамъ передалъ. Кажется,

онъ намѣренъ переработать и его. По крайней мѣрѣ онъ очень проситъ Васъ прислать ему это предисловіе. Только тогда онъ возьмется и за просмотръ жизнеописанія крестьянской дѣвушки»...

Въ письмѣ этомъ дѣвушка, взятая изъ крестьянской семьи въ услуженіе къ богатой помѣщицѣ, описываетъ тяжести своего горькаго и несправедливаго положенія.

Въ «предисловіи» къ этому письму Левъ Николаевичъ, между прочимъ, пишетъ:

— «Разсказъ о жизни и впечатлѣніяхъ этой крестьянской дѣвушки мнѣ кажется очень замѣчательнымъ: и по своей искренности, простотѣ и очевидной правдивости, и въ особенности потому, что ясно выражаетъ ту совершившуюся въ крестьянскомъ рабочемъ населеніи за послѣднее время перемѣну, заключающуюся въ живомъ сознаніи несправедливости своего положенія».

И въ заключеніе «предисловія» говоритъ:

«Думаю поэтому, что напечатаніе этого разсказа можетъ быть полезнымъ».

Я ограничился незначительной выдержкой изъ «предисловія» Льва Николаевича, такъ какъ не въ правѣ напечатать ни «письма», ни «предисловія» — и то и другое является литературной собственностью «Русскаго Слова» и до напечатанія на его страницахъ опубликовано быть не можетъ.

Въ этотъ же мой пріѣздъ въ Ясную Поляну Левъ Николаевичъ подѣлился со мной своими интересными воспоминаніями о графѣ Милютинѣ— бывшемъ какъ разъ въ тѣ дни опасно больнымъ.

На вопросъ мой о гр. Милютинѣ Левъ Николаевичъ сказалъ:

— Во-первыхъ, Володенька, его братъ, извѣстный впослѣдствіи Владиміръ Милютинъ,—это былъ нашъ пріятель дѣтства.

Онъ намъ первый открылъ, что «Бога нѣтъ».

Мнѣ тогда было двѣнадцать лѣтъ.

Мы удивились:

— Неужели нѣтъ?

— Ей Богу, нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—у насъ въ гимназіи всѣ это знаютъ!..

Впослѣдствіи какъ-то мы къ нему пришли и застали у него пріѣхавшаго съ Кавказа его брата, военнаго, съ шашкой.

Онъ тогда только-что вернулся послѣ знаменитой воронцовской экспедиціи.

Это было одно изъ сильныхъ моихъ впечатлѣній, прельстившее меня прелестью военной жизни. Я видѣлъ въ немъ героя и хотѣлъ подражать ему.

Потомъ я встрѣчался съ нимъ, но онъ, вмѣстѣ со своимъ братомъ, принадлежалъ къ лагерю мнѣ чуждому.

На войнѣ въ Севастополѣ онъ не участвовалъ,—я съ нимъ не встрѣчался. Въ 1905 году въ Крыму, когда я былъ боленъ, я хотѣлъ съ нимъ видѣться, но онъ сказалъ, что не можетъ меня принять, такъ какъ боленъ. Приписываю это и его болѣзни, и тому, что наши взгляды съ нимъ различны.

Послѣ бесѣды со Львомъ Николаевичемъ я въ тотъ же день еще разъ видѣлся съ В. Булгако-

вымъ, и отъ него узналъ нѣсколько интересныхъ, тогдашнихъ Яснополянскихъ событій.

Вотъ что разсказывалъ мнѣ секретарь Льва Николаевича:

I. Л. Н. ТОЛСТОЙ И Б. ШОУ.

Недавно Бернардъ Шоу прислалъ въ Ясную Поляну Льву Николаевичу свою новую пьесу и письмо, въ которомъ развивалъ свои теоріи о религіи. Разсужденія Б. Шоу отличались не столько глубиною, сколько остроуміемъ.

Левъ Николаевичъ отвѣтилъ Б. Шоу письмомъ, въ которомъ, предупреждая его, что онъ не привыкъ относиться къ вопросамъ религіи шутя, возражалъ на выводы Шоу по существу и опровергалъ ихъ.

Письмо Б. Шоу и отвѣтъ Л. Н. Толстого хранятся у В. Г. Черткова.

II. НЕПРІЯТНЫЙ ВИЗИТЪ.

Недавно въ Ясную Поляну пріѣзжалъ носитель извѣстной фамиліи Д., повидимому, родственникъ одного изъ высокопоставленныхъ лицъ, и, добившись свиданія со Львомъ Николаевичемъ, сталъ развивать передъ нимъ свою теорію устройства человѣческой жизни, свое «евангеліе», главнѣйшій тезисъ котораго заключался въ томъ, что люди

должны жить каждый по своему желанію и своему влеченію, совершенно не сообразуясь съ окружающимъ.

Левъ Николаевичъ былъ ужасно взволнованъ споромъ съ г. Д. по поводу его абсурдной теоріи, и визитъ послѣдняго произвелъ крайне непріятное впечатлѣніе въ Ясной Полянѣ.

III. НОВАЯ ПЬЕСА Л. Н. ТОЛСТОГО.

Недавно В. Булгаковъ устраивалъ народный спектакль въ имѣніи В. Г. Черткова сельцѣ «Телятники».

Участвовали и актеры, и крестьяне, и сынъ В. Г. Черткова.

Устройство спектакля для народа такъ заинтересовало Льва Николаевича, что онъ самъ началъ писать для этого спектакля пьесу и даже закончилъ ее, но не отдѣлалъ и поэтому не захотѣлъ дать для постановки.

Пьеса эта въ двухъ актахъ, изъ крестьянской жизни, комедія.

Такъ какъ Левъ Николаевичъ не далъ своей пьесы, телятинскимъ артистамъ пришлось ставить другую.

Поставили пьесу «Первый винокуръ».

Левъ Николаевичъ рѣшилъ непремѣнно отправиться смотрѣть спектакль, но это ему не удалось. Какъ-разъ въ день спектакля изъ Москвы къ нему

пріѣхали на одинъ день два музыканта, и Льву Николаевичу неудобно было оставить ихъ.

Особенно интересовала Льва Николаевича публика спектакля, состоявшая преимущественно изъ крестьянъ, и ея отношеніе къ ходу дѣйствія.

Левъ Николаевичъ подробно разспрашивалъ о спектаклѣ.

. . . .

Передъ отъѣздомъ моимъ я еще разъ пошелъ къ Льву Николаевичу.

Какъ и всегда, тепло и участливо простился со мною онъ...

Больше не суждено было мнѣ его увидѣть!...

СОДЕРЖАНІЕ.

~~17~~ 50к

~~ц. 1р. 50к~~

